

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 12 / 2016

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Правовые акты и их реализация: опыт истории

Бурова Е.В. Историческое измерение правовых и религиозных норм в процессе трансформации институтов брака и семьи 3

Вербина О.А. Понятие трудового договора в РФ: историко-правовой аспект 7

Редькин Э.С. Документ № 106 из корпуса актов Димитрия Хоматина «Ποινῆτα διάφορα» («Различные произведения»): Судебное решение по делу об оспаривании сделки, заключенной при латинянах, по основанию страха от угроз и насилия, ок. 1234–1236 гг. Предисловие, перевод с древнегреческого и комментарии Э.С. Редькина 11

Лукьянова Е.Г. Социологическое учение о законе Ю.С. Гамбарова 15

Ибрагимов К.Х. Законодательные меры династии Романовых в организации благотворительности до XIX в. 20

Государственное регулирование:

историческое разнообразие форм

Томилов И.С. Городская реформа 1892 г. в Тобольской губернии: теоретические замыслы и практическое воплощение 25

Божко Е.А. Нравственно-правовая концепция отечественной государственности в представлениях В.Д. Каткова 30

Зябиров Р.М. Причина упадка государственной системы Волжской Булгарии в контексте преемственности «Восток—Запад» 36

Козубенко Ю.В. Структура предмета механизма уголовно-правового регулирования 39

Кучеров И.И. Эволюция отечественной денежной системы в имперский период истории 43

Казанцева Н.Г. Таможенно-тарифное регулирование китайского торгового во второй половине XVIII — начале XIX вв. 51

Незнамова А.А. История развития оценочных услуг в России 55

Колоколов Н.А. Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в условиях современности 60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 24.05.2016

Номер вышел в свет 07.07.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Почта России — 10866;

«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.);

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 12 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. PI № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay

for publication of their articles.

Legal Acts and Their Realization: History Experience

Burova E.V. Historical Dimension of Legal and Religious Regulations in the Process of Marriage and Family Institutes Transformation3

Verbina O.L. Notion of Labor Contract in the Russian Federation: Historical Legal Aspect.....7

Redkin E.S. Document No. 106 from Corpus of Acts of Dimitriy Khomatin "Πονήματα διάφορα" ("Various Writings"): Court Decision on the Case of Challenging of the Transaction Concluded at the Presence of Romans, on the Basis of Threats and Violence Fear, around 1234-1236. Preface, Translation from Ancient Greek and Comments by E.S. Redkin 11

Lukyanova E.G. Sociological Doctrine on Law by Yu.S. Gambarov 15

Ibragimov K.Kh. Legislative Measures of the Romanov's Dynasty in Charity Organization before XIX Century 20

State Regulation: Historical Variety of Forms

Tomilov I.S. City Reform of 1892 in Tobolsk Government: Theoretical Intentions and Practical Realization 25

Bozhko E.A. Moral Legal Conception of Domestic Statehood in Representations of V.D. Katkov..... 30

Zyabirov R.M. Reason for Decline of State System of Volga Bulgaria in the Context of Continuity "East—West" 36

Kozubenko Yu.V. Structure of the Subject of the Criminal Law Regulation Mechanism 39

Kucherov I.I. Evolution of Domestic Monetary System in the Empire Period of History..... 43

Kazantseva N.G. Customs Tariff Regulation of Chinese Market in the Second Half of XVIII — Beginning of XIX Century..... 51

Neznamova A.A. History of Development of Estimation Services in Russia..... 55

Kolokolov N.A. Evolution of Judicial Power: Historical Legal Aspect. Court in the Modern Conditions 60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 5,0.

Conventional printed sheet 5,0.

Passed for printing 24.05.2016

Issue was published 07.07.2016

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Russian Post — 10866;

"United Catalogue" — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Историческое измерение правовых и религиозных норм в процессе трансформации институтов брака и семьи

*Бурова Елена Викторовна,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Таганрогского института управления и экономики
e.burova@tmei.ru*

В статье показано, что в истории российского государства и права брачно-семейные отношения последовательно регулировались нормами обычного, церковного и светского права, их отдельные пережитки сохранились в современном семейном праве. При этом институт семьи является не только юридической категорией, но и несет в себе социальное и нравственное содержание. Исторически государство всегда вмешивалось в сферы семейных отношений, считая семью важным объектом своего правового воздействия.

Ключевые слова: брак, история права, институт семьи, принципы семейного права, церковное право, моральные нормы.

Historical Dimension of Legal and Religious Regulations in the Process of Marriage and Family Institutes Transformation

*Burova Elena V,
Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law
of the Taganrog Institute of Management and Economics*

The article shows that in the history of Russian state and law of marriage and family relations were consistently regulated by customary, religious and secular law, their remnants survived in modern family law. While the institution of the family is not only a legal category, but also carries social and moral content. Historically, the state has always intervened in the sphere of family relations, considering the family an important object of his legal action.

Key words: marriage, history of law, the institution of the family, principles of family law, Canon law, moral norms.

Историко-правовой анализ института семьи становится актуальным и оправданным в связи с тем, что семье принадлежит исключительная роль в воспроизводстве населения, воспитании подрастающего поколения, регулировании взаимоотношений между ее членами и социумом. Институт семьи является одним из важнейших завоеваний человеческой правовой культуры, благодаря чему общество отличается от иных форм жизни. Появление этого института явилось новым этапом процесса эволюции человечества и стало одновременно показателем уровня его цивилизационного развития.

Взаимодействуя со всеми сферами общественной жизни, семья исторически изменяется под влиянием общественно-экономического, политико-правового, культурного и так далее прогресса. В то же время ее развитие имеет относительную самостоятельность, которая определяется историческими, правовыми, религиозными, национальными, культурными обычаями и

традициями. Л.Н. Иванова пишет, что сложившаяся в стране проблема укрепления институтов брака и семьи «свидетельствует о необходимости при разработке новых норм гражданского и семейного права учитывать и охранять этнические, социально-психологические, культурообразующие механизмы саморегулирования брачного поведения личности»¹, с чем следует согласиться.

В истории отечественного государства и права можно проследить процесс смены традиционной формы брака, где жена сначала была исключительно домашней хозяйкой, к браку-партнерству, а затем и к браку-контракту. Современные правовые конструкции брачно-семейных отношений являются более хрупкими, так как не предполагают пожизненного брачного союза, но считается,

¹ Иванова Л.Н. Нерасторжимость брака как культурообразующий принцип брачного права: выбор России на рубеже XIX–XX веков // История государства и права. 2014. № 20. С. 25.

что таким образом современные браки исключают дискриминацию супругов.

Индивидуализм, изменение отношения к институту брака в общественном сознании, снижение брачного возраста, ослабление религиозности, морально-нравственных ценностей и так далее привели к обезличиванию брачно-семейных отношений, когда никто не хочет брать на себя никакой ответственности². Продолжают оставаться актуальными вопросы, которые ставят перед законодательными и правоприменительными органами статистические данные³, показывающие угрожающее соотношение количества заключаемых и расторгаемых браков, а следовательно, рост числа неполных семей.

Традиционно институт семьи являлся предметом исследования различных наук, включая правовые, ставящие во главу угла упорядочивание отношений между членами семьи и определяющие ее статус в праве. Семья является не только социально-психологической, но и юридической категориальной единицей, имеющей давнюю историю. Брак является одним из древнейших правовых институтов, берущих свое начало в доисторическую эпоху. Первоначально брачные отношения регулировались обычаями, причем в разных племенах разными. «Семья в древнейшей известной нам период римской истории представляет тип промежуточной, патриархальной семьи, объединявшей под властью главы семьи, *paterfamilias*, жену, детей, других родственников, каменных, а также рабов... Глава семьи и властелин древнейшей семьи — домовладыка, единственный полноправный гражданин, *квирит*, то есть имеющий власть»⁴. Отец семейства имел полную власть над всеми ее членами, включая право на жизнь, смерть, отказ от признания отцовства, продажу в рабство, телесные наказания и так далее. Особое место в истории формирования правовых традиций занимает вопрос о происхождении отцовской власти, которому посвящены исследования различных авторов, касающиеся вопросов его отношений с членами семьи. По мнению Л.В. Дячук, «возникновение *patria potestas* по римской традиции прежде всего связана с появлением одного из объектов такой вла-

сти — ребенка»⁵. Дело в том, что в древности не каждый ребенок становился объектом власти своего природного отца, так как такое право ему давал только законный брак.

Будучи собственником всего имущества семьи, *paterfamilias* распоряжался им по своему усмотрению⁶. В период принципата законным императора Августа (18 г. до н.э.) мужу было запрещено без согласия жены отчуждать недвижимость, полученную в качестве приданного, а при императоре Юстиниане отчуждение такой недвижимости не допускалось ни при каких обстоятельствах. Постепенно шел процесс юридического закрепления, принцип раздельности имущественных отношений между супругами, что в настоящее время признается не всеми правовыми системами. Со времен римского права семья представляет собой субстанцию, соединяющую в себе частное и публичное начало, в форме агнатского и когнатского родства. Соотношение этих начал в истории семейного права было различным, чем можно объяснить трансформации института брака.

Развитие экономики и производственных отношений привели к разложению патриархальной семьи, и в соответствии с этим большее значение стало приобретать родство по крови, так называемое когнатическое родство в отличие от агнатского. З. Черниловский писал, что «понимание таких понятий как агнатическое и когнатическое родство очень важно: без этого строй семейных отношений в Риме останется непонятным»⁷, так как они показывают взаимосвязь кровного и юридического родства. В римской семье юридически значимым было агнатическое родство, в основе которого лежали власть и подчинение, поэтому члены римской семьи делились на *sui iuris* и *persona aliena iuris*, то есть зависящих от прав главы семьи. В результате такой трансформации римская семья приблизилась к современной ее модели.

Существует несколько правовых теорий, объясняющих юридическую природу брака, их общем виде можно свести к: пониманию брака как договора, как таинства и как института государственного регулирования.

² Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник / под ред. Е.А. Васильева. М.: Международные отношения, 1993. С. 517.

³ В 2013 году их число составило 157 065, в 2014 году — 172 310, то есть на 15 245 больше. URL: <http://arriva.ru/publications/news/26899/>

⁴ Новицкий И.Б. Римское право. М., 2013. С. 443.

⁵ Дячук Л.В. Правовые формы происхождения отцовской власти в римском и ранневизантийском законодательстве // История государства права. 2014. № 18. С. 51.

⁶ См.: Суханов Е.А., Кофанов И.И. О роли изучения римского права в России. Древнее право. М., 1996.

⁷ Черниловский З.М. Лекции по римскому частному праву. М., 1991. С. 64.

Теория брака как договора берет свое начало в Древнем Риме. Классический юрист Модестин определял брак как союз «мужчины и женщины, соединение всей жизни, общность божественного и человеческого права». В римском праве классического периода все основные формы вступления в брак носили на себе признак простой гражданской сделки. Данный подход, прежде всего, был связан с тем, что правовому регулированию в Риме подвергалась только определенная сфера брачных отношений, связанная с регулированием имущества, их нравственная и сакральная, то есть приобщение к семейному культу, области оставались за рамками права.

Дячук Л.В. пишет, что «во все времена, от начала формирования и эволюции известных цивилизаций и до возникновения посттрадиционного современного социума, предохранителями жизнеспособности общественного организма были доминирующие религиозные нормативные положения, а также предостерегающие и регулирующие правовые нормы»⁸. Однако в истории права институт брака появляется раньше, чем христианство, поскольку его первым элементом является физическая природа человека, свойственная как потребность всем живым существам на земле. Нравственная сторона брака, привносящая в него идеи долга и самопожертвования, отличает семью от потребностей всех других живых существ, предполагая взаимные обязательства между супругами.

Будучи личным делом отдельных людей, брак имеет природу социального и правового учреждения, влияющего не только экономические отношения, но и все элементы надстройки общества. Поэтому немецкий философ Иоганн Фихте отмечал, что «брак — не просто юридический союз, как, скажем, государство, брак — естественный и государственный союз». Институт брака следует рассматривать как совокупность юридических, нравственных, религиозных, социально-психологических и экономических явлений. «Брак есть возникающее в результате санкционированного государством соглашения сторон пожизненное (в принципе) правовое отношение между мужчиной и женщиной и содержание которого составляют предопределяемые импе-

ративными нормами закона субъективного права и юридические обязанности, опосредующие в установленных законом пределах общение сторон в интересах их самих, детей (если такие имеются) и общества»⁹. Невозможно создать одну универсальную форму брака, чтобы она не только определяла природу данного социального организма, но также и удовлетворяла бы все его потребности.

В начале истории Древней Руси нормы семейного права, регулировавшие семейные правоотношения, создавались под непосредственным влиянием обычного права. И.Г. Войнилова пишет, что «брак в России устанавливался постепенно и представлял собой смешанный результат действия русского обычного права, византийских светских законов и церковного права»¹⁰. Одновременно с принятием христианства устанавливались и нормы семейного церковного права, которые имели свою определенную структуру, закрепляющую четкое, единственно верное, должное правило поведения для всего населения. Обычное право отражало реально существующие отношения между людьми в практике создания семьи, а светское ориентировано на разрешение противоречий, возникающих между церковным правом, то есть должным поведением, действительно существующими отношениями и нормами обычного права.

До принятия христианства в обычном праве существовало многоженство, но даже в то время оно было ограниченным. В летописях рассказывалось о том, что даже самые нецивилизованные славянские племена, к которым относились радимичей, вятичей, северян, могли «имяху же по две и по три жены», что, по мнению летописца, являлось варварством. По обычному праву для простых людей высшей дозволенной мерой многоженства считалось наличие трех жен. Для привилегированных, особенно князей, допускалось превышать эту норму. В летописях рассказывается, что до принятия христианства у князя Владимира в период язычества было 6 жен водимых, а наложниц 800 (300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 в Берестове)¹¹. Такое количество наложниц

⁸ Дячук Л.В. История государства и права. Правовые формы происхождения отцовской власти в римском и ранневизантийском законодательстве // Юрист. 2014. № 18. С. 50–55.

⁹ Юркевич Н.Г. Брак и его правовое регулирование в СССР. М., 1967. С. 11.

¹⁰ Войнилова И.Г. Брак как основание законности рождения физического лица в России XIX — начала XX веков // Семейное и жилищное право. 2014. № 4. С. 28.

¹¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.

можно объяснить необходимостью иметь наследников, способных занять престол, но, с другой стороны, такое положение приводило к борьбе за власть между ними.

После принятия христианства брачно-семейные отношения начали регламентироваться каноническим правом. Религиозные нормы, каноны, определяли и предписывали действия в соответствии с библейскими наставлениями, формируя ритуалы, обряды, закрепляющие брачно-семейные отношения¹². Каноническое (церковное) право представляет собой сложившуюся систему правил поведения, которые принимаются священными синодами, соборами, отдельными епископами и систематизированы в сборниках, в соответствии с которыми поведение людей считалось правильным или неправильным. Первоначально в Римской империи это право предназначалось для внутреннего употребления среди духовенства и верующих. В дальнейшем оно распространилось на другие государства, и через Византию православие как один из вариантов христианства получило распространение в России.

Право воспитания жены и детей, а также их наказания существовало в семьях в давних времена, но и после принятия христианства не исчезло, хотя общество осуждало лиц, которые злоупотребляли своими правами. Еще до распространения христианства на Руси женщину били смертным боем, в XVI вв. «Домострой» советует этого отнюдь не делать, «...а толко великая вина и кручинавата дело, и за великое, и за страшное ослушание, и небрежение, плеткою вежливо побить...»¹³. Также и церковный суд пытался оградить членов семьи от домовладыки, устанавливая правило: «Бей, но не до смерти», что способствовало сохранению семейных отношений и существованию их в дозволенных рамках. Иногда родители невесты даже заключали «письменный договор с

зятем, чтобы он не бил жены»¹⁴. В деревнях свободы у женщин было гораздо больше, чем в городе, «хотя она и находилась под гнетом тяжелых работ (...), но, по крайней мере, ее не держали взаперти»¹⁵. Правовой статус женщины влиял на ее свободу, право передвижения, выбора места жительства, виды деятельности и так далее.

В XVI и XVII столетиях, чтобы прекратить семейные отношения, нужно было прибегнуть к крайним мерам, таким как побег, измена с человеком более высокого статуса, донос на мужа или его убийство¹⁶. В свою очередь это привело к тому, что церковное право установило не только условия и способы заключения брака, но и ограничило свободу разводов. Развод допускался в редких случаях и при наличии существенных мотивов, доказательств или причин, дающих основание для решений церковного суда. Считалось, что супружеский союз, освященный и украшенный таинством брака, должен быть нерушимым у всех православных христиан. Вступившие в брак должны с покорностью воле Божией нести этот жребий до конца своих дней совместно, стремясь осуществить слова Господа: «еже Бог сонета, человек да не разлучает» (Матф. 19, 6).

В отличие от церковного права светское не контролировало и не контролирует отношения, которые относятся к духовной сфере, включающей различные духовные ценности, такие как моральные и нравственные нормы и идеалы, традиции и обычаи, религиозные нормы и многое другое, что призвано укреплять институт брака, а не разрушать его, ссылаясь на юридическую или правовую практику, существующую в других государствах.

Литература

1. Васильева Е.А. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник. М.: Международные отношения, 1993. С. 517.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.
3. Дячук Л.В. Правовые формы происхождения отцовской власти в римском и ранневизантийском законодательстве // История государства права. 2014. № 18. С. 51.
4. Дячук Л.В. История государства и права. Правовые формы происхождения отцовской власти в римском и ранневизантийском законодательстве С. 50–55.

¹² В Уставе князя Ярослава указывалось, что в случае, если жена колдовала, то есть была «зеленица», муж должен был наставлять ее, но не разводиться с ней. Целью установления таких церковных правил являлось создание определенного правового поведения в браке, которое бы не позволяло супругам расходиться по незначительным причинам.

¹³ См.: Домострой. Серия: Литературные памятники / изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб., 1994.

¹⁴ Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 200.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ Там же.. С. 203.

5. Иванова Л.Н. Нерасторжимость брака как культурообразующий принцип брачного права: выбор России на рубеже XIX–XX веков // История государства и права. 2014. № 20. С. 25.
6. Колесов В.В. Рождественская В.В. Домострой. Серия: Литературные памятники / изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб., 1994.
7. Костомаров Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 203.
8. Новицкий И.Б. Римское право. М., 2013. С. 443.
9. Суханов Е.А., Кофанов Л.Л. О роли изучения римского права в России Древнее право. М., 1996.
10. Черниловский З.М. Лекции по римскому частному праву. М., 1991. С. 64.
11. Юркевич Н.Г. Брак и его правовое регулирование в СССР. М., 1967. С. 11.
12. URL: <http://arriva.ru/publications/news/26899/>

Понятие трудового договора в РФ: историко-правовой аспект

*Вербина Оксана Леонидовна,
доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Курского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
oxana_71@mail.ru*

В статье рассматривается история развития термина «трудовой договор», определяется преемственность отдельных норм, разработанных в дореволюционной России, трансформированных в нормативно-правовых актах СССР и сохранившихся в современном российском праве, а также анализируются изменения в Трудовой кодекс РФ, вступившие в силу с 1 января 2016 г., связанные с определением трудового договора.

Ключевые слова: *трудовой договор, наем труда, работник, работодатель, правовое регулирование трудовых отношений, трудовое законодательство.*

Notion of Labor Contract in the Russian Federation: Historical Legal Aspect

*Verbina Oksana L.,
Assistant Professor of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the Kursk State University,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article discusses the history of the term “contract of employment” is defined by the continuity of certain norms developed in pre-revolutionary Russia, transformed into normative legal acts of the Soviet Union and preserved in the modern Russian law, as well as analysis of recent changes to the Labour Code, relating to the definition of the employment contract.

Key words: *contract of employment, hiring labor, employee, employer, legal regulation of labor relations, labor legislation.*

Исторически сложилось, что в отличие от трудового договора договор подряда имеет более раннее происхождение. Трудовой договор со временем и был отделен от договора подряда, в дальнейшем получил самостоятельное развитие и правовое регулирование. На протяжении длительного периода прослеживается постоянная конкуренция названных договоров и попытки законодателя более подробно урегулировать и разграничить эти различные по юридической природе договорные отношения. При анализе трудовых и гражданско-право-

вых отношений в нашей стране сложность возникала и в силу того, что эти правоотношения развивались в разных по форме и способу правления государствах, что неизбежно наложило отпечаток на их правовое регулирование.

Понятие «трудовой договор» появилось в юридической науке в конце XIX века. Законодательству Российской империи категория «трудовой договор» не была известна. Наем труда опосредовался такой правовой формой, как договор личного найма, общие положения о котором содержались в Сво-

де Законов гражданских¹. В то же время существовало значительное количество специальных норм, посвященных различным видам найма, например, найма сельских рабочих, купеческих приказчиков, корабельных служителей и так далее².

В 1898 г. был принят Устав о промышленности фабричной и заводской, в который вошли законодательные нормы, регламентирующие предпринимательскую деятельность в промышленности. На протяжении пореформенного периода вышло несколько редакций устава, каждая из которых отражала нововведения в промышленном предпринимательстве. Однако принимаемые и вводимые в устав новшества не меняли правовых основ регулирования предпринимательской деятельности, а только расширяли и дополняли их. Переиздание устава с различными продолжениями производилось в 1857 г., в 1879 г., в 1893 г., а с началом XX века правки проводились чаще — в 1906 г., 1908 г., 1910 и 1912 гг., это было связано с активизацией «рабочего движения», в силу чего требовался пересмотр гарантий для рабочих, ограничение рабочего времени, повышение оплаты труда и т.д.

В пореформенной России в основе трудового законодательства лежал принцип добровольного найма, прописанный в Своде Законов гражданских, при этом правила не требовали непременно записи рабочих в цехи (ст. 50–51)³.

Для найма на работу лицу податного состояния необходимо было получить паспорт или билет установленного образца. Время работы на промышленном предприятии определялось сроками, указанными в этих документах. Размер заработной платы определялся еще до начала работ и не пересматривался при досрочном прекращении выполнения рабочим своих обязанностей даже при увольнении. Хозяева промышленных заведений могли при желании составлять с поступающими на работу письменные договоры либо выдавать им расчетные листы, в которых обозначались условия найма, количество и характер оплаты (сдельный, месячный или поденный). В расчетные листы заносилась каждая выдача денег работни-

ку, а также размер взыскания за прогулы или причинение вреда производству. Данные документы являлись основанием для разбора трудовых конфликтов между рабочими и фабрикантами (ст. 50–55)⁴.

Хозяин предприятия был обязан вывести в помещении заведения общие правила и распорядок работы за своей подписью, чтобы рабочие в подробностях могли с ним ознакомиться. Паспорта или адресные билеты рабочих до истечения срока найма хранились у хозяина предприятия, однако он был обязан выдавать их по первому требованию работника по истечении установленного срока и после подведения расчета (ст. 56–60)⁵.

Основные положения устава законодательно определяли род фабричной и заводской промышленности, структуру регулирующих промышленную деятельность государственных органов; порядок учреждения и управления промышленностью; круг прав и обязанностей, связанных с промышленным предпринимательством; меры поощрения для развития российской индустрии со стороны государства; а также регламентировал отношения между хозяевами промышленных заведений и наемными рабочими⁶. В уставе о промышленности фабричной и заводской С.С. Коровникова верно отметил прообраз более нормативного акта о труде, тем более что в нем первоначально содержались нормы «О людях вольнонаемных», а впоследствии появилась глава «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и людьми, работающими на оных по найму»⁷.

Таким образом, уже к концу XIX века трудовые отношения стали приобретать черты современных правоотношений в сфере труда: определялись условия труда, размер оплаты, устанавливались правила внутреннего трудового распорядка, предполагалась письменная форма данного договора, закреплялись меры дисциплинарной ответственности.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 13–14.

⁶ Вербина О.А. Регулирование общественных отношений в сфере промышленного предпринимательства в пореформенный период 1861–1914 гг. (на материалах Курской губернии): монография. Курск: ООО «Учитель», 2009.

⁷ Коровникова С.С. Нормативное установление содержания трудовых правоотношений в XIX веке // Социальное и пенсионное право. 2006. № 2. С. 23.

¹ Свод Законов гражданских // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1879.

² Сборник положений и правил о найме услуг и рабочих. СПб., 1896. С. 1.

³ Устав о промышленности фабричной и заводской // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. II. С. 12.

Понятие личного найма было сформулировано в решении Правительствующего Сената. «Договор личного найма есть соглашение о принятии на себя нанявшимся исполнения в пользу нанимателя личных работ, услужения, должностей и вообще личного труда физического или умственного»⁸. Таким образом, акцент делался на личном исполнении работником своих обязанностей, что и сейчас отличает трудовой договор от гражданско-правового. Аналогичные определения существовали и в юридической науке. Так, по мнению Г.Ф. Шершеневича, личный найм — это договор, в силу которого одно лицо за вознаграждение приобретает право временного пользования трудом другого лица⁹.

К началу XIX века с развитием отношений по использованию наемного труда в законодательстве Российской империи наметилась четкая тенденция к формированию рабочего законодательства. Устав о промышленном труде 1913 года включал в себя нормы о труде фабрично-заводском и горнопромышленном, происходило объединение правовых норм, регулирующих все виды наемного труда в едином нормативном акте на данном историческом этапе. Как верно отмечал В.Б. Хохлов, данный процесс был направлен на то, чтобы рабочее законодательство утратило оттенок сословности в своем наименовании. До трудового законодательства оставался один шаг¹⁰.

В советский период развитие представлений о трудовом договоре можно разделить на два периода. Первый период — это двадцатые годы — период новой экономической политики (нэпа). Как указывала Е.А. Семенова, сравнительный анализ отдельных положений прежнего промышленного права с законодательством о труде периода нэпа показывает их определенную преемственность и последующее развитие, но уже в новых экономических условиях¹¹. В это время получили закрепление частнопроводные начала регулирования в сфере труда. Сохранились некоторые черты дореволюционного периода в регулировании трудовых отношений, когда продолжали оставаться тяжелые усло-

вия труда для отдельных категорий работников. Так, О.Н. Мигущенко отмечает, что в трудовых отношениях того времени имели место кабальные договоры с батраками, эксплуатировался детский труд¹².

В ч. 1 ст. 27 Кодекс законов о труде 1922 г. закреплял понятие трудового договора и определял его как соглашение двух и более субъектов, по которому одна сторона — нанимающийся — предоставляет свою рабочую силу другой стороне — нанимателю — за вознаграждение¹³.

С конца 20-х годов понятие «наемный труд» уходит в прошлое. Считалось, что термины «наниматель» и «нанимающийся» недопустимо применять для обозначения субъектов трудового договора при социализме, так как под наемным трудом следует понимать труд рабочего, лишенного орудий и средств производства, и продающего свою физическую способность к труду. Рабочий же класс в социалистическом обществе не только не лишен орудий и средств производства, а, наоборот, он ими владеет¹⁴.

Таким образом, второй период развития института «трудовой договор» начинается с 30-х годов прошлого века, когда централизованный метод правового регулирования труда пришел на смену механизму договорного регулирования, предусматривалась жесткая законодательная регламентация трудовых отношений. Шел процесс создания новой концепции трудового договора, в рамках которой были выделены его следующие признаки:

1. Включение работника в коллектив организации, что предполагает выполнение им работы, составляющей часть деятельности организации по специальности или должности, предусмотренными штатным расписанием.
2. Подчинение работника внутреннему распорядку, который определяет его обязанность подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка организации.
3. Выполнение по трудовому договору работы, относящейся к определенному роду деятельности, то есть специальности, профессии, должности.

⁸ Хохлов В.Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. СПб., 2000. С. 114.

⁹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 364.

¹⁰ Хохлов В.Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. СПб., 2000. С. 114.

¹¹ Семенова А.Е. Очерки советского трудового права. Харьков, 1925. С. 11.

¹² Мигущенко О.Н. Формирование критической оценки кулачества в правосознании сельского населения в 20-е годы XX века // История государства и права. 2015. № 13. С. 50.

¹³ Кодекс законов о труде, введенный в действие Постановлением ВЦИК от 9 ноября 1922 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Левиант Ф.М. Виды трудового договора. М., 1966. С. 6.

4. Организация труда, что предусматривалось как обязанность администрации, всего трудового коллектива и каждого рабочего в отдельности.

5. Оплата труда по трудовому договору, которая осуществляется за предоставление работником своей рабочей силы в распоряжение работодателя за сам процесс выполнения работы, а не за конкретный результат труда¹⁵.

Эти признаки нашли свое отражение в современном определении трудового договора.

После принятия Кодекса законов о труде (КЗоТ) РСФСР (утв. ВС РСФСР 9 декабря 1971 г.) ситуация с определением понятия трудового договора в юридической науке существенно не изменилась. Статья 15 КЗоТ в определении трудового договора восприняла выработанные правовой доктриной вышеуказанные признаки.

В 1999–2001 гг. были проведены многочисленные парламентские слушания и круглые столы, широкая дискуссия в печати по вопросам реформы трудового законодательства, связанной с переходом к рыночной экономике, итогом которой было принятие нового Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, который был введен в действие с 1 февраля 2002 года.

Можно согласиться с мнением В.Н. Толкуновой, которая отмечала, что в современный период истории трудового права серьезных теоретических исследований сущности трудового договора, к сожалению, не осуществлялось. Признаки трудового договора, которые выделяются в научной литературе по трудовому праву, лишь дублируют признаки, установленные советской или дореволюционной российской правовой доктриной¹⁶.

Таким образом, современное законодательство определяет предметом трудового договора «живой труд», то есть непосредственную реализацию человеком своей способности к труду; подчинение его правилам внутреннего трудового распорядка; выполнение работы личным трудом работника по определенной трудовой функции; включение работника в коллектив организации; обеспечение работника социальными гарантиями; обязанность работодателя организовать труд работника и обеспечить условия

труда, предусмотренные нормативно-правовыми актами.

В последнее время термин «трудовой договор» претерпел некоторые изменения, что отразилось в дополнениях к ст. 15 Трудового кодекса РФ, которые вступили в силу с 1 января 2016 года. Эти изменения коснулись уточнения выполнения трудовой функции работником «в интересах, под управлением и контролем работодателя»¹⁷. На наш взгляд, данные изменения не несут существенного характера, однако могут оказать влияние на то, что работники должны исполнять свои обязанности только по инициативе работодателя и для достижения его целей. Что касается контроля работодателя, то он априори предполагается в трудовых отношениях. Таким образом, работник лишается собственной инициативы, а также появляется дополнительный рычаг для поддержания дисциплины — за выполнение какой-либо работы в личных целях работника можно привлечь к ответственности.

Таким образом, возникновение трудового договора как правового института в нашем законодательстве прошло достаточно сложный и длительный путь его отграничения от договора подряда. Формирование правовых норм и юридических доктрин о трудовом договоре подвергалось воздействию различных форм государственного устройства, которые исторически сложились на территории нашей страны, однако следует отметить преемственность норм права дореволюционной России, советского права и современного правового регулирования трудового договора как института трудового права.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс законов о труде, введенный в действие Постановлением ВЦИК от 9 ноября 1922 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс законов о труде РСФСР (утв. ВС РСФСР 9 декабря 1971 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Свод Законов гражданских // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1879.
5. Устав о промышленности фабричной и заводской // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. II. СПб., 1879.
6. Вербина О.А. Регулирование общественных отношений в сфере промышленного предпринимательства

¹⁵ Гинцбург Л.Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977. С. 85.

¹⁶ Толкунова В.Н. Трудовое право России. М., 2008. С. 192.

¹⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

- тельства в пореформенный период 1861–1914 гг. (на материалах Курской губернии): монография. Курск: ООО «Учитель», 2009.
7. Гинцбург А.Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М., 1977.
 8. Коровникова С.С. Нормативное установление содержания трудовых правоотношений в XIX веке // Социальное и пенсионное право. 2006. № 2. С. 23.
 9. Левиант Ф.М. Виды трудового договора. М., 1966.
 10. Мигущенко О.Н. Формирование критической оценки качества в правосознании сельского населения в 20-е годы XX века // История государства и права. 2015. № 13. С. 50.
 11. Проект закона о трудовом договоре. М., 1917.
 12. Сборник положений и правил о найме услуг и рабочих. СПб., 1896.
 13. Семенова А.Е. Очерки советского трудового права. Харьков, 1925.
 14. Толкунова В.Н. Трудовое право России. М., 2008.
 15. Хохлов В. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. СПб., 2000.
 16. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995.

Документ № 106 из корпуса актов Димитрия Хоматина «Πονήματα διάφορα» («Различные произведения»): Судебное решение по делу об оспаривании сделки, заключенной при латинянах, по основанию страха от угроз и насилия, ок. 1234–1236 гг. Предисловие, перевод с древнегреческого и комментарии Э.С. Редькина

*Редькин Эдуард Сергеевич,
старший юристконсульт отдела судебной защиты
ООО «Гроннер Бридж Лигал Сервисез»
redchnik@gmail.com*

Представленный памятник византийского права представляет собой судебное решение по делу об оспаривании мирового соглашения, заключенного при разделе наследства. Предмет спора — виноградник в окрестностях места Агриди, г. Фессалоники. В основание иска были положены ссылки на свидетельские показания об угрозах и насилии, якобы причиненных истцу во время оккупации Фессалоники латинянами в 1213 году.

Ключевые слова: византийское право, византийский гражданский процесс XIII века, оспаривание сделок, страх вследствие угроз и насилия, свидетельские показания, исковая давность, латинская оккупация.

Document No. 106 from Corpus of Acts of Dimitriy Khomatin “Πονήματα διάφορα” (“Various Writings”): Court Decision on the Case of Challenging of the Transaction Concluded at the Presence of Romans, on the Basis of Threats and Violence Fear, around 1234–1236. Preface, Translation from Ancient Greek and Comments by E.S. Redkin

*Redkin Eduard S.,
Senior Legal Advisor of the Court Defense Department
of Gronner Bridge Legal Services LLC*

This monument of Byzantine law is a judgment on the case of disputing the settlement agreement which was made by the division of inheritance. Subject of the agreement is a vineyard near a place Agridi, Thessaloniki. The claim was based on a reference to testimony about threats and violence allegedly caused the plaintiff during the Latin occupation of Thessaloniki in 1213.

Key words: Byzantine law, Byzantine civil proceedings of the XIII century, disputing of deals, fear of threats and violence, testimony, limitation of actions, Latin occupation.

Димитрий Хоматин († после 1236; вариант именования в ряде рукописей: Хоматиан¹), с 1214/1216 — архиепископ Охридский, — является основным источником современных сведений о византийской судебной практике и судопроизводстве в первой половине XIII века (наряду с Иоанном Апокавком, большая часть трудов которого до сих пор остается неизданной). Правовое наследие Хоматина содержится главным образом в сборнике актов «Ποικίλα διόφορα» («Различные произведения»), общее количество документов в котором составляет 153. Современный издатель последнего критического издания данного сборника Хоматина Гюнтер Принцинг (Берлин) делит данные документы на 19 групп², исходя из их содержания, в числе которых к гражданскому праву и процессу относятся следующие группы документов (цифрами обозначена нумерация документов в сборнике): 1–9 — положительно рассмотренные дела о допустимости или действительности брака; 10–26 — отрицательно или частично отрицательно рассмотренные дела также о допустимости брака; 24–46 — о вступлении лиц в третий брак, с рассмотрением вопросов о наследовании в связи с правами детей на наследство; 47–55 — о наследовании в связи с приданым; 56–67 — о порядке наследования в отсутствие завещания; 68–73 — о недействительности сделок купли-продажи; 81–85 — о наследстве сирот; 91–102 — дела о незаконной передаче земельных владений; 103–106 — о сроках давности в семейных и имущественных правоотношениях; 122–128 — дела о расторжении обручения или брака; 135–145 — дела о допустимости расторжения брака или о незаконных внебрачных связях в связи с имущественными вопросами; 151–152 — вопросы наследственного права.

В российской литературе содержания конкретных документов Хоматина из данного сборника касался ряд авторов в своих работах³, однако ни одного документа сборни-

ка на русский язык переведено до сих пор не было. Представленный перевод документа № 106 сделан по критическому изданию Гюнтера Принцинга⁴. Слова в квадратных скобках в оригинале отсутствуют и добавлены для облегчения восприятия текста. В данной части публикации представлены фрагменты 1–10 документа (из 23-х).

Димитрий Хоматин. Различные произведения. [Документ] № 106.

О свидетельствах архиереев и сиятельных, то есть высокопоставленных [чиновников] о том, что подлежит суду царя, о подлинном и мнимом страхе, о сроке для заявления протеста [по основанию] страха [вследствие угроз] или насилия, об обычае, об общей молве и о свидетелях.

1. Обратившийся в бегство из славного града Фессалоник Димитрий по прозвищу Кравофока, придя к нашему священному собранию, весь в слезах, с трудом сообщил, что [находится уже] давно вдали от своего дома и града из-за неправильного, как он полагает, [судебного] решения, вынесенного тамошними властями, [и] узнал, что ему должно прибегнуть [также] к нашему [решению], чтобы узнать, разумно ли он осужден на процессе (ἀγούνη), который велся против него, со взысканием с него [заявленного истцом], и чтобы, таким образом, прекратились его скитания и чтобы не переносить ему напрасно гадательных размышлений о предстоящем. Сообщив это, он также представил к [нашему] прочтению жалобу дословно следующего содержания:

2. «Всесвятейший мой владыка, архиепископ всея Болгарии, и вы, всесвященнейшие архиереи, прошу, чтобы наше повествование было принято вашим святейством и [чтобы вами] был дан на это ответ, согласный с законами и справедливостью.

У моей тещи, которую зовут Орая, был отец, [ныне] покойный Роман, называемый Логар. После смерти матери Ораи он женился второй раз на Кали, прозванной Сахликина. Еще при жизни он сочетал Ораю браком с Димитрием по прозвищу Харсионит, дав ей и приданое, частью которого был виноградник в окрестностях места, именуемого Агриди⁵, который, однако, никогда им не был [ей] передан, хотя и подлежал [передаче].

¹ Патроним, возводящий происхождение предков к г. Хома в области Фригия (Малая Азия). Современный научный консенсус склоняется к аутентичности имени Хоматин, а не Хоматиан (См.: Prinzing, 2002. S. 45*).

² Prinzing. S. 296*–298*.

³ В частности: Дринов М.С. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана, как историческом материале // Византийский временник. СПб., 1894. Т. 1. С. 319340; 1895. Т. 2. С. 1–23 (Комментируются либо кратко упоминаются документы сборника: 1, 2, 3, 10, 15, 69, 77, 86, 106, 117, 151, 150); Медведев И.П. Правовая культура Византии. СПб.,

2001. С. 468–469 (комментируется документ 92); и др.

⁴ Prinzing. S. 345–355.

⁵ Вариант чтения в ряде рукописей: Агради, возм. происх. от славян. «ограды». В частности,

3. Когда же после этого Логар был похищен внезапной смертью, не оставив ни завещания, ни письменной воли для исполнения, и Орая была готова принять его наследство, поскольку от Сахликины он был бездетен, то по истечении девятого [дня] по его кончине сама Орая обратилась к Сахликине, требуя причитающейся ей по закону [доли] отцовского наследства. Сахликина встречено заявляла [об определении] достаточной [доли] ее приданого, которое было внесено Логаром, а также [своих] свадебных даров, [после чего] обе отказались от [своих] требований, поскольку это было пресечено [действиями] родственников и знатных мужей, водворивших мир, среди которых тогда был и нынешний священнейший епископ Иериссы кир Неофит, с применением по закону (διαλύσασθαι ката νόμους; [т.е. с заключением мирового соглашения]) и успокоением [от вражды], что и произошло. Таким образом, спорящие стороны договорились и с помощью [мирового] соглашения (διαλύσει) последовал раздел [имущества] (λήψις): Орая взяла изо всего отцовского имущества причитающийся ей виноградник, несколько строений, а также деньги. А совершенно было это [мировое] соглашение (διάλυσις ἔγγραφος) по всем законным правилам, содержало оно и [перечень] принятого Ораей по этому договору и было заключено в мае месяце 1-го индиктиона, в лето 6721 [т.е. 1213 г. от Р.Х.] Остальное имущество Логара, в избытке и достатке, осталось в качестве доли (κέρδος) Сахликине, в возмещение всего ее приданого и свадебных даров. У Орай была дочь по имени Мария, которую она отдала [замуж] за меня, в законном порядке, а вышеуказанный Аградский виноградник в числе прочего отдала ей в приданое.

Так шли наши дела, и Сахликина все те годы оставалась абсолютно спокойной.

4. Спустя немного времени — не знаю, что такое с ней случилось, — она восстала и [снова] возбудила производство [по делу], давно прекращенному, о ее приданом, некстати потащила овдовевшую Ораю в суд, заявила об оспаривании (παράγραφῃν κατὰ... букв.: «жалобу на...») [мирового] соглаше-

ния [по основанию] страха [от угроз] и насилия (φόβον καὶ βίαν) и потребовала из нашего имущества недостающую ей часть приданого, [и притом] свободной от недостатков (ἀνελλιπῆ).

Данное дело было рассмотрено судами трех [инстанций]. Сначала — [в первой инстанции] при всесвятейшем митрополите Фессалоник, отце и господине нашем кир Иосифе, перед [назначенным им] святым собранием (προαγουυῆς) в его священническом величии, ибо он был тогда лишь [нареченным] кандидатом (ὑποψήφιος) [в митрополиты]. Второй раз — при его высокопревосходительстве дуке Фессалоник кир Алексие Пигоните, где был коллегияльный суд (συνδικάζοντα) в составе архиереев и архонтов, на котором судьи разделились в разногласиях на две части: первая часть, а именно [судьи от] дуки, беспристрастно идя правовым путем [буквального] следования закону, [пришли] к единому [мнению о том, чтобы] оставить в силе предыдущее решение, которое было в нашу пользу, поскольку оно постановило, что [мировое] соглашение [заключено] законно и не подлежит изменению и отвергало [позицию] другой стороны как напрасно тревожащей нас; другая же [часть судей] была не согласна с ними и выносила решение, голосовав против нас (καθ' ἡμῶν φερόμενα, ἐγνώματευσε). И третий раз [дело] прошло пред судом наисильнейшего господина нашего и царя кир Мануила Дуки, неожиданно обратившись против нас, когда оно было извращено злодейскими речами замышляющих против нас (как это стало ясно позднее, когда [об этом] узнал и сам всесвятейший мой господин митрополит Фессалоникский) — и теми [речами] против нас, как было сказано, которые по их предпочтении породили несправедливые выводы [судей], и теми, которые иначе представили изложение событий и [повлекли] затем отмену самого решения.

5. Здесь-то беспощадно и обрушилось на нас совершенное беззаконие, ибо имеющиеся у нас документы (δικαιώματων) [мирового соглашения] были объявлены полностью недействительными (ἀπραξία καθόλου) и даже не были зачитаны перед судом, поскольку, как [всем было] ясно, составлены в период [правления] латинян. [Мировое] соглашение было признано недействительным по заявлению [Сахликины] о [его] оспаривании по основанию «страха и насилия», и ему наши противники предпочли одни лишь слова, а [затем] последовало тяжелейшее лишение [нас] всего нашего имущества.

М. Дринов отмечает: «Это — несомненно славянское название «ограды» (огороды), каким и теперь южные славяне именуют загородные сады и т.п.» (Дринов. 1895. С. 16). Г. Принцинг с Дриновым не согласен и ссылается на то, что места с греческим названием Агриди встречаются также на юго-западе Пелопоннеса: Prinzing. S. 209*–210*.

Так Сахликина была уполномочена непреклонно истребовать огромную часть своего приданого, которое было, по ее словам, [чрезвычайно] велико и многоценно, а о количестве и качестве того, что в нем содержалось, [все] должны были верить [лишь ее] клятвам, поскольку, как она говорила, ее брачный договор (τὸ γαμήλιον συμβόλιον) не сохранился. Орая же возражала, когда присутствовала на совершении этой клятвы, и говорила, что незаконно представлять Сахликине клятву сейчас о предмете, который уже двадцать два года назад был разрешен должным и законным образом, без [какого-либо] насилия, а потому такое [ее] заявление вообще не [должно] быть принято как требуемое (ἐκκαλούμενη) [доказательство]; тем не менее когда она стала требовать рассмотрения [перечня] возвращаемого приданого и клятвенного документа (поскольку [клятва] заявляла о прямом насилии), то была не только [сама] изгнана, но и я тогда по требованию исполнителей (τῶν ἐκβιβαστῶν) этого дела был схвачен и брошен в заключение, а моя теща была сослана с [надлежащим] сопровождением в монастырь.

6. Однако я, когда только смог, сбежал [из заключения] и долго блуждал по землям отечества в течение трех месяцев, а была тогда холоднейшая зима. Теща же моя, по прошествии нескольких дней месяца, была изгнана [из монастыря] и доставлена, влекомая, в великий храм Богородицы, где ей следовало слушать клятвы Сахликины. Тогда она не захотела войти, а в последней надежде бросилась перед воротами на землю как подвергнутая несправедливости и насильно [понуждаемая], громко вопия [всем] о [такой] обиде, но как клятва [все равно] была принесена, так и решение (катаδίκη) против нас было вынесено [и изготовлено] в письменном виде, [после чего] кастрофилак с цаконами кастеллия (ὁ καστροφύλαξ μετὰ τῶν τοῦ καστελλίου τζακόνων) был послан в мой дом. Он тотчас же был передан Сахликине — и сам дом, и виноградник, которые по [мировому] соглашению были определены Орае как ее доля отцовского наследства, и, [кроме того,] всё, что было найдено у нас [в доме] ценного на [сумму] более чем триста номисм.

7. Спустя же некоторое время [наш] правитель, которому напоминал о такой несправедливости сам святейший господин мой митрополит, а также другие [просители], боявшиеся Бога, поскольку и очевидно стало, что Орае учинено излишнее наказание, и

сам он признал, что нам соделана несправедливость, подобрел и смилостивился к нам и определил признать недействительным (ἀπρακτῆσαι) последнее решение, дело направить на новое [рассмотрение] и возобновить процесс перед судом вышеупомянутого святейшего митрополита как уже почтенного Божией милостью архиерейским председательством и имеющим [право] самостоятельно судить (αὐτοκέλευστον δικάζειν) [т.е. его суд обладал подведомственностью по соответствующим категориям дел] в этом славном и блистательном граде.

8. Главное же, из-за чего последний суд вынес решение против нас, было то, что [мировое] соглашение было заключено по причине страха перед латинской властью.

А доказательство (σημεῖον) этого страха, [как] указал [суд], [было в том, что] завладение [Ораей] домом Логара [произошло] после его смерти, которая случилась при управляющем тогда святейшей митрополией Фессалоник латинянина по имени Гарин, который взял, как говорят, из имущества ради своей мзды сто иперперов (ὀλέρπυρα), а мой тесть Харсианит стал тогда всем рассказывать, что у Логара было 60 иперперов денег и разного прочего [имущества] в избытке. И поэтому, сказал [суд], Сахликина, потрясенная страхом из-за этой молвы, была вынуждена тогда составить это [мировое] соглашение. А свидетелем этого решения суда приводит святейшего епископа Иериссы, который представил свое письменное заявление о [крайней] необходимости (τὴν ἀνάγκην) и страхе [Сахликины], который возник из-за слуха, пущенного Харсионитом. В этом-то было главное того [судебного] решения.

И к тому же большая часть Оградского виноградника была засажена [нами] за деньги, которые Сахликина в прежние времена внесла Логару [как часть] своего приданого.

9. Однако в этих выводах [суда] нет никакой правды. Ведь ими доказывается [основание] страха в то время, когда было заключено соглашение; но ясно же, как говорится, и слепому, что когда скончался Логар, власть принадлежала владычице кир Марии, правящей супруге блаженного царя кир Исаака Ангела, тогда овдовевшей и назначившей дукой Фессалоник кир Георгия Франгопула, а всех архиереев области — в качестве коллегии (συνέδρους) [судей] в государственных судебных процессах (ἐπὶ ταῖς πολιτικαῖς δίκαις) (а именно, нынешнего [епископа] Китрского, его родного брата епископа Верройского, и прочих: Стримвакона Кассандрийского,

[епископа] Кампанейского и Филагрия Ардамерского), которые каждый [день] собирались в великом храме Богородицы и рассматривали судебные дела; потому-то никто [не терпел тогда] несправедливости или страха.

Гарин же не насильно, а согласно церковному обычаю латинян принял [деньги] из имущества Логара, и не сто иперперов (да не будет!), а лишь десять ему [лично], и еще два — его слугам, ибо за умерших [латинскими] клириками по их обычаю берется мзда из имущества по их усмотрению.

Харсианит же пустил молву не о деньгах своего тестя Логара, а все время говорил и беспокоился [лишь] о надлежащей [доле] отцовского наследства, [причитающейся] его жене Орае, боясь того, что установленный срок принятия [наследства] проходит быстро. А ложь относительно Аградского виноградника открыто изобличается согласными свидетельскими показаниями, что ясно указано в протоколе протэкидика

(τὸ πρῶτεκδικικόν σημείωμα), который я готов представить величию твоего святейшества.

10. По причине [всего изложенного] и прошу принять соборное определение (διάγυσιν), проголосовав (ψηφισσοῦσαν), разумно ли и законно, или же нет, [последнее] судебное решение (ἀλφασίς), вынесенное по делу моей тещи и меня.

Как раб твоего великого святейшества сообщил я [все вышеизложенное]».

[Конец текста жалобы Кравофоки]

Литература

1. Дринов М.С. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана, как историческом материале // Византийский временник. СПб., 1894. Т. 1. С. 319–340; 1895. Т. 2. С. 1–23.
2. Медведев И.П. Правовая культура Византии. СПб., 2001. С. 468–469.
3. Demetrios Chomatēni Ponemata diaphora / rec. Günter Prinzing. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 38). Berolini, 2002.

Социологическое учение о законе Ю.С. Гамбарова

*Лукьянова Елена Геннадьевна,
старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук,
кандидат юридических наук, доцент
lukelena@mail.ru*

В статье дается анализ основных положений социолого-позитивистского учения о законе Ю.С. Гамбарова. Показана попытка вывести закон из-под действия государственной власти: содержание закона и основания его обязательности у Ю.С. Гамбарова находятся в социуме. Роль и значение закона оценивается довольно сдержанно, подчеркиваются слабые стороны и недостатки закона, и, напротив, его учение проникнуто доверием к судебной практике и доктрине и судебной деятельности.

Ключевые слова: учения о законе, понятие и признаки закона, социологическая школа права, социологическое учение о законе.

Sociological Doctrine on Law by Yu.S. Gamarov

*Lukyanova Elena G.,
Senior Research Scientist
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article analyzes the main provisions of sociological doctrine of law Yu.S. Gamarov. Shows the attempt to bring the law of action under state authority. The role and importance of the law is estimated rather reserved, highlights weaknesses and shortcomings of the law and, on the contrary, his doctrine permeated confidence in the judicial practice and doctrine and judicial activities.

Key words: theory of law, the concept and features of the law, sociological doctrine of the law.

Ю.С. Гамбаров — российский ученый-цивилист и теоретик права конца XIX—

начала XX веков, работавший в рамках социологического направления в юриспру-

денции — школы права, не получившей широкого распространения в России. Своим теоретико-методологическим принципам и построенным на них теоретическим выводам Ю.С. Гамбаров обязан учебе в Геттингенском университете в 70-е годы XIX века, где читал лекции известный немецкий ученый Рудольф Иеринг и своему пребыванию в Париже с конца XIX века, где он поселился после ухода из Московского университета¹. В Европе социологическое направление в юриспруденции развивалось успешно, во Франции его представлял Л. Дюги, в Германии — упомянутый Р. Иеринг. Оба мыслителя оказали влияние на формирование правовых взглядов Ю.С. Гамбарова.

В отличие от других представителей социологической школы права Ю.С. Гамбаров в интерпретации закона более последователен и рационалистичен². Его позиция внутри социологической школы наиболее теоретически и практически обоснована.

В начале XX века Ю.С. Гамбаров выступил с резкой критикой господствующего в тот период формально-догматического направления в юриспруденции, ограничивающего юридическую науку только формально-логическим изучением действующего права, сводимого к законодательству³. Право можно и нужно изучать, считает Ю.С. Гамбаров, только в связи с целым, частью которого оно является, т.е. — в связи с изучением всего общества и тех культурных и хозяйственных отношений, выражением которых является как закон, так и всякая иная юридическая норма⁴. В соответствии с предложенными принципами и методами социальной юриспруденции строится учение Ю.С. Гамбарова.

Он придерживается понятия закона в материальном смысле, он считает, «что без элемента юридической нормы понятие закона как будто и не представляет интереса для юридического рассмотрения»⁵, хотя и не отрицает определенного значения

использования понятия закона в формальном смысле. Закон в материальном смысле у Ю.С. Гамбарова — это «юридическая норма, предписанная в установленной для нее форме («в законодательном порядке») высшей государственной властью»⁶. Отсюда три существенных признака закона: 1) закон есть юридическая норма; 2) закон есть приказ государственной власти; 3) закон имеет определенную форму установления⁷.

Юридическая норма у Ю.С. Гамбарова — это всегда общее правило, поэтому закон характеризуется общностью, под которой понимается многократность его применения в будущем и направленность на неопределенное и неограниченное число случаев. Автор уподобляет общность юридического закона общности социальных и естественных законов⁸. Общность — есть первый существенный признак закона, причем наиболее важный. Ю.С. Гамбаров предлагает развернутую критику позиций ученых, отвергающих общность закона как его признак и допускающих существование индивидуальных законов. Последняя позиция несостоятельна, так как основана на смешении материального и формального понятия закона, отмечает автор, и ведет к серьезным практическим проблемам⁹.

Ключевое значение этого признака связано также с тем, что именно общность закона, а не божественная воля монарха или фикция «общей воли» обуславливает его *обязательность*¹⁰. Только юридическая норма «опирается на общественную солидарность и не может не быть обязательна для всех, кто связан

¹ Томсинов В.А. Юрий Степанович Гамбаров (1850–1926): библиографический очерк // Гражданское право. Общая часть / под ред. и предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. XI–XIII.

² Например, в отличие от Н.М. Коркунова (См.: Лукьянова Е.Г. Интерпретация закона в учениях Н.М. Коркунова и Г.Ф. Шершеневича // История государства и права. 2012. № 21).

³ См.: Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. СПб., 1907. С. 3; и др.

⁴ См.: Там же. С. 8.

⁵ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 242.

⁶ Там же. С. 249.

⁷ См.: Там же. С. 250.

⁸ «Понятие закона, в научном смысле этого слова, т.е. в смысле постоянства отношений между данными явлениями и необходимости в данных условиях этих отношений, образовалось путем аналогии или перенесения представления о законе в юридическом смысле, т.е. в смысле нормы человеческого поведения, на те явления органического и неорганического мира, которые представляли в своих отношениях друг к другу такие же признаки постоянства и общности, какие человеческая мысль подметила сначала на явлениях государственной и правовой жизни и затем уже применила то же наблюдение постоянства отношений и к явлениям физического мира». См.: Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. С. 29.

⁹ См.: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. С. 253.

¹⁰ См.: Там же.

этой солидарностью»¹¹. В этом пункте автор стоит на позициях солидаризма Л. Дюги.

Любой закон как общая норма есть еще и приказ верховной государственной власти, показывает Ю.С. Гамбаров второй существенный признак закона. Разделяя в законе содержание и приказ, он следует немецкому ученому Лабанду. Закон, каково бы ни было его содержание, «должен требовать известного рода действий, раз указываемые им условия оказываются налицо или запрещать те или другие действия в так же наперед определяемых им условиях»¹². Все законы, таким образом, сводятся к положительным или отрицательным приказам государственной власти, и те определения этой последней, которые не содержат в себе приказа, не будут считаться законами. Так, не являются законами политические программы, поучения, рубрики и т.д.¹³ При этом повелительность закона имеет свой корень не в государственной власти, как считали немецкие юристы, в частности Лабанд и Еллинек, — иначе было бы трудно объяснить обязательность законов для самой государственной власти, а, как было уже сказано, в юридической норме, опирающейся на общественную солидарность. Этот момент довольно слабый в теории Ю.С. Гамбарова: автор обоснованно критикует «волевою» теорию за ее фиктивность, нерационалистичность, но солидарность, которую он, вслед за Л. Дюги, предлагает взамен мало чем отличающейся от общей воли как основания повелительности законодательства¹⁴.

Вопрос, кому принадлежит в государстве право издавать законы, какие органы осуществляют функцию законодательства и в каком объеме — это, по Ю.С. Гамбарову, вопросы формальные и решаются различно в различных государствах, в чем он совершенно прав.

Третий отличительный признак закона — установление (наличие) определенного заранее порядка возникновения и обнародования закона. Здесь Ю.С. Гамбаров имеет в виду наличие особой формы у закона, кото-

рую он называет юридической: «наличность закона ставится в зависимость от известной строго специализированной формы, которая является условием действительности облекаемого в нее содержания права и его юридических последствий»¹⁵. Форма закона должна четко отличаться от формы других официальных и обязательных актов государства. Юридическая форма закона имеет место только там, «где в положительном праве оказывается постановление такого рода, что известные акты, исходящие от высших органов государственной власти, должны быть облечены, — в отличие от других, могущих быть также обязательными, актов государственной власти, — в особую, им одним присвоенную форму, которая даст выраженным только в этой форме актам силу закона и право на это название в его конституционном смысле»¹⁶.

В позитивном праве закон играет важную роль, но не он один является его источником. Закон «не может всего предвидеть и выражает лишь минимальную часть фактически существующего права»¹⁷. Судебная практика, составляющая значительную часть позитивного права, идет «гораздо далее писаного закона, постоянно изменяя, дополняя и даже отменяя этот закон — там, где он оказывается в противоречии с наличными потребностями или данными отношениями общественных классов друг к другу, и так же постоянно создавая, под влиянием тех же импульсов, новое право — задолго до того, как это последнее получает законодательное освящение»¹⁸. Судебное решение не только однородно с законом, не только необходимо для его осуществления, но и выше закона, в смысле практического регулирования жизни, которое долго обходилось и может обходиться без закона, но не может обходиться без судебного решения¹⁹. Немаловажную роль играет в праве и юридическая доктрина. Ю.С. Гамбаров отрицательно относится не только к сведению юриспруденции к изучению законодательства, он выступает против апологетики закона, признания его единственным или наиболее эффективным источником права. «Закон резюмирует в дей-

¹¹ Там же. С. 255.

¹² Там же.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Любопытную и резкую оценку теории солидаризма Л. Дюги, как, впрочем, и всем иным «буржуазным» учениям о законе, дал К.А. Архиппов: «... не находя выхода в реальной юридической конструкции, факты отражаются в примитивной метафизике доктрины социальной солидарности». См.: Архиппов К.А. Закон в советском государстве. М.-Л., 1926. С. 38.

¹⁵ Там же. С. 258.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ См.: Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах: сборник по общественно-юридическим наукам. СПб., 1889. С. 45.

ствительности только прошлое и уже пережитое, рядом с которым бьют и никогда неиссякаемые ключи настоящего». Эти ключи исходят из потребностей общественной жизни, складывающихся обычаев, умственных течений и нравственных идей, судебной практики, образцов иностранного права, потребностей международной жизни, учений юристов и т.д.²⁰ Среди других форм права закон — наиболее опасная из них. «Переходя в замаскированное или открытое вооруженное насилие, закон представляет собой не меньшее зло, чем то, для борьбы с которым он вызван к жизни»²¹. Для предупреждения этой опасности законы должны определяться высшими началами, «без отношения к которым они стоили бы не более чем предшествующее им состояние беззакония», т.е. справедливость. Совершенно неожиданный поворот в сторону естественно-правовой теории в социологическом учении Ю.С. Гамбарова. Однако справедливость, подчеркивает Ю.С. Гамбаров, понимается не в естественно-правовом смысле, в смысле вечных и неизменных начал, а в социологическом смысле, «в смысле культурных идеалов времени, обусловленных всей совокупностью данных общественных условий»²².

Учение о видах законов. В зависимости от отношения юридической нормы к индивидуальной воле или по различию в степени интенсивности Ю.С. Гамбаров подразделяет законы на: 1) принудительные (абсолютные), осуществляющиеся независимо от индивидуальной воли и остающиеся неизменными для всех кто вступает в регулируемые ими отношения и 2) диспозитивные, предоставляющие индивидуальной воле возможность отступления от устанавливаемого ими порядка и действующие лишь в тех случаях, когда индивидуальная воля вовсе не выразила или выразила не вполне свой образ регулирования того отношения, в который она вступила²³. Принудительные нормы бывают в виде запретов, отрицательных норм и приказов, положительных норм. Ю.С. Гамбаров предпринимает попытку классифицировать диспозитивные нормы. Одни из них имеют субсидиарный, или восполнительный (посредствующий) характер, т.е. действуют в

случаях, когда нет выражения индивидуальной воли. Другие называются гипотетическими, или правилами толкования, они осуществляются на основании презумптивной воли участников данного правоотношения и представляются презумпциями, которые падают при всяком противоречии с действительной волей этих лиц (к ним относятся правила толкования, например, что считать «принадлежностью» вещи). Но Ю.С. Гамбаров совершенно верно отмечает, что «оба этих вида норм слишком близко соприкасаются и постоянно переходят друг в друга»²⁴.

В зависимости от интенсивности действия нормы по отношению к деятельности судьи Ю.С. Гамбаров выделяет строгое и мягкое право. Строгое (абсолютное) право — это правила, выраженные в абсолютной и аподектической форме. Мягкое (эластичное) право — это нормы, устанавливающие только границы, из которых судье предписано не выходить, но внутри которых ему предоставлена свобода действия и свобода решения. Мягкое право образует так называемое «судебное усмотрение», явление, по мнению Ю.С. Гамбарова, необходимое правовой системе, вызываемое требованиями справедливости и рациональности, «собственное признание законодателя в том, что он не может твердыми раз и навсегда закрепленными правилами удовлетворить всем требованиям жизни и что уже поэтому судье должен быть предоставлен, в интересах справедливости, известный простор в приспособлении этих правил к особенностям каждого отдельного случая»²⁵. Признание судебного усмотрения, свидетельствующее о большем доверии к судебной, а не законодательной власти, — позиция новая и довольно редкая в отечественном правовом мировоззрении, и не только начала XX века. Надо сказать, что эта позиция последовательна в социологической теории Ю.С. Гамбарова. Ученый ставит под сомнение первенство закона в системе источников права и прогрессивно решает вопрос о соотношении закона и судебного решения: «действительность запрета выходить за пределы закона более чем сомнительна, и лучшие представители судебной власти нередко обходят его путем так называемого мнимого толкования закона или даже прямо нарушают такой запрет, если он оказывается в противоречии с господствующими в данном обществе или в его части представлениями о праве»²⁶.

²⁰ См.: Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. С. 7.

²¹ Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах. С. 94.

²² Там же.

²³ См.: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. С. 264.

²⁴ Там же. С. 270.

²⁵ Там же.

²⁶ Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. С. 13.

Учение о действии закона. Разработанное Ю.С. Гамбаровым учение о действии гражданских законов отличается обстоятельностью, подробным анализом проблем и последовательностью.

Равенство всех перед законом, составляющее, по мнению Ю.С. Гамбарова, принцип публичного права всех культурных народов, определяет действие закона относительно лиц, ему подчиненных: все подчинены одинаково действию законов и никто не исключен из этого действия. Однако, пишет Ю.С. Гамбаров, существуют целые категории лиц, освобожденных от действия тех или иных законов или подчиненных иным законам, нежели законам того государства, в котором они находятся. Это главы государств в абсолютных монархиях, лица, принадлежащие к иностранным посольствам, и прочие²⁷.

В решении вопросов действия законов по месту, как и действия законов во времени, в частности, таких проблем, как столкновение разноместных законов и столкновение нового и старого законов, ученый придерживается преобладающего в современной ему юриспруденции мнения о решающей роли толкования законов, о применении которых может идти речь. Вполне социологический подход.

Ученый предпринимает основательный анализ понятий общего и местного права, существующих вариантов их соотношения (абсолютное и субсидиарное) и случаев их столкновения. Тот принцип, что судьи применяют к решениям гражданских споров только законы своей страны, терпит многочисленные отступления, считает Ю.С. Гамбаров. Факторами, вызывающими практику применения иностранных законов, выступают как международная вежливость и уважение, так и «требования, вытекающие из существа международных отношений»²⁸. При разрешении случаев столкновения разноместных законов Ю.С. Гамбаров присоединяется к точке зрения Цительмана, указывающего судье руководствоваться, прежде всего, коллизионными нормами своего отечества, т.е. поставленными данным положительным законодательством нормами для разрешения этих столкновений, а в случаях их отсутствия или сомнений — обращаться к надгосударственным нормам частного международного права²⁹. Последнее так же, как и первое, является продуктом развития

юридической доктрины и практики, делает Ю.С. Гамбаров реверанс в сторону социологического позитивизма.

В вопросах действия законов во времени Ю.С. Гамбаров последовательно проводит социологическое направление: связывая закон в большей степени с обществом, нежели государством. Автор признает принципиальную возможность отмены закона обычаем, несмотря на то, что с таким случаем практика встречается сравнительно редко; допускает изменение или отмену закона вместе с условиями своего действия при их изменении или исчезновении³⁰.

Социологически решается вопрос об обратном действии закона, Ю.С. Гамбаров отвергает простые и однозначные варианты его решения. Законодательным путем его не решить, этот вопрос принадлежит компетенции юридической науки и практики. Принцип необратного действия законов Ю.С. Гамбаров трактует как соответствующее справедливости и самому понятию закона правило толкования, не допускаемое лишь тогда, когда новый закон отменяет целые институты права и сам распространяет свое действие, хотя и в будущем, но все-таки на прошедшие события³¹. Определение обратного действия закона — так же, как и определение действия закона по месту его применения, — есть исключительно дело интерпретации закона. Из всего сказанного следует вывод, что решение вопроса о действии закона (обратном или по месту) упирается в исследование цели закона, о применении которого идет речь, и природы фактического отношения, регулирование которого составляет предмет спорного закона³².

Ю.С. Гамбаров критикует концепцию так называемых «приобретенных прав» и ожиданий, суть которой в том, что новый закон не распространяется на приобретенные права, но может быть применим к простым ожиданиям и аналогично Г.Ф. Шершеневичу, критерием разграничения новых и старых отношений предлагает юридический факт. Длющиеся юридические факты, здесь важен момент окончания события, подпадают под действие нового закона.

В предлагаемом учении о законе Ю.С. Гамбаров, в отличие от других ученых, придерживающихся социологического направления в юриспруденции и, в частности, Н.М. Коркунова, более последовательно проводит линию социологической юриспруденции как

²⁷ См.: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. С. 271–273.

²⁸ См.: Там же. С. 296, 312.

²⁹ См.: Там же. С. 300.

³⁰ См.: Там же. С. 324, 325.

³¹ См.: Там же. С. 329.

³² Там же. С. 335.

в трактовке самого закона, так и производных от него вопросов: роли и места закона в системе источников права, оснований его обязательности, условий действия. Воззрения Ю.С. Гамбарова прогрессивны и рационалистичны, отличительная черта его взглядов — это не только ясное понимание различия материальных и формальных признаков закона, но правильное определение их значения. Следуя логике социологического позитивизма, Ю.С. Гамбаров частично выводит закон, а точнее право как содержание закон, из сферы государственной власти и тем самым обосновывает связанность государства правом и законом. Ю.С. Гамбаров оригинален в том, что не апологизирует закон и законодательную деятельность государства, а, напротив, его учение проникнуто доверием к другим формам права и судебной власти. Такая позиция для

отечественных юристов не является характерной.

Литература

1. Архиппов К.А. Закон в советском государстве. М.-Л., 1926.
2. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003.
3. Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведа. СПб., 1907.
4. Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах: сборник по общественно-юридическим наукам. СПб., 1889.
5. Лукьянова Е.Г. Интерпретация закона в учениях Н.М. Коркунова и Г.Ф. Шершеневича // История государства и права. 2012. № 21.
6. Лукьянова Е.Г. Законодательная деятельность в механизме защиты прав человека // Российская юстиция. 2009. № 10.
7. Томсинов В.А. Юрий Степанович Гамбаров (1850–1926): библиографический очерк // Гражданское право. Общая часть / под ред. и предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.

Законодательные меры династии Романовых в организации благотворительности до XIX в.

*Ибрагимов Кюри Хамзатович,
заместитель директора Комплексного научно-исследовательского института
имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук,
профессор юридического факультета
Чеченского государственного университета,
кандидат юридических наук, академик Академии наук Чеченской Республики
7800467@mail.ru*

В статье рассматриваются законодательные меры династии Романовых в организации благотворительности периода до начала XIX в. Раскрыто понимание благотворительности и призрения в работах ученых XIX в. Показаны разные подходы царей России в правовом регулировании благотворительности.

Ключевые слова: благотворительность, царь, бедность, нищета, церковь, народ, общественное призрение, правовое регулирование.

Legislative Measures of the Romanovs' Dynasty in Charity Organization before XIX Century

*Ibragimov Kyuri Kh.,
Deputy Director of the Complex
Scientific Research Institute named after Kh.I. Ibragimov
of the Russian Academy of Sciences, Professor
of the Law Faculty of the Chechen State University,
Candidate of Legal Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*

The article deals with the legislative measures of the Romanov dynasty in organizing charity period until the beginning of XIX century. Discloses the understanding of philanthropy and charity in the work of scientists of the XIX century. Shows the different approaches of Russian tsars in the legal regulation of charity.

Key words: charity, the king, poverty, misery, the church, the people, the public charity, the legal regulation.

В условиях возможного развития продовольственного и финансового кризисов в любой стране вопрос об организации благотворительности приобретает особую актуальность, поскольку наряду с гуманитарным содержанием он несет важную политическую нагрузку, снимая социальные противоречия и предупреждая, либо снижая риск возникновения революционного брожения социально незащищенных народных масс.

История России во все обозримые времена была отчасти и историей благотворительности. Как в свое время отмечал историк В.О. Ключевский, «благотворительность — вот слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом. Его многие различно толкуют и все одинаково понимают. Спросите, что значит делать добро ближнему и, возможно, что получите столько же ответов, сколько у вас собеседников»¹.

Попытка дать научное определение столь древнему общественному явлению как благотворительность впервые в истории России предпринята в XIX в. В тот период разные авторы имели неодинаковое представление о сущности благотворительности. Одни весьма широко понимали его содержание. Так, по мнению ученого юриста А. Исаева, в 1880 г. «все акты, в которых выражается начало дружелюбия, следует считать делами благотворения»². Другие же, напротив, стремились сильно ограничить рамки благотворения, противопоставляя его общественно-государственному призрению. Например, в известном «Энциклопедическом словаре» 1897 г. отмечено: «Благотворительность, как форма помощи, в отличие от обязательно-общественно-государственного призрения, носит факультативный характер»³. Вместе с тем это, казалось бы, крайне нужное как в науке, так и в обиходе слово «призрение», кануло в лету. Галина Полякова в интернете с сожалением и справедливо замечает: «Слово «призрение» почти забыто. Впрочем, как и его смысл. А жаль! И то и другое заслуживает внимания. Смысл слова — «забота, попечительство, помощь бедным, опека»⁴.

Нам представляется, что необходимо четко определиться с тремя вопросами: пер-

вый — понятия «благотворительность» и «призрение» являются словами-синонимами и никак не зависят от того, кто является субъектом их реализации в жизни (частное или юридическое или должностное лицо, орган государственной власти и др.); второй — под благотворительностью следует понимать разовое по отношению к нуждающемуся лицу (лицам) подавание, в то время как систематическая помощь одному и тому же лицу (лицам) может называться призрением. Такой тренд обуславливает необходимость возвращения в «Словари русского языка» так необходимого нам слова «призрение». Тем более что в дореволюционной России был издан десяток учебников «Полицейское право» (например, авторы Андреевский И.Е. (1876), Антонович (1890), Бунге Н.Х. (1873), Гессен В.М. (1908), Ибрагимов Т.И. (1900), одним из основных объемных разделов которых является «государственно-общественное призрение». Наконец, третий — это, к сожалению, созвучное хорошему и крайне необходимому слову «призрение», неудобное слово «презрение», на наш взгляд, необходимо удалить из лексикона. Тем более что у него имеются синонимы — «безразличие», «пренебрежение», «игнорирование».

Как отмечает А. Стог в 1818 г., в Древней Руси нищенство считалось не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при церкви практическим институтом общественного благонравия⁵. «Человеколюбие, — поясняет профессор Ключевский, — на деле значило нищелюбие. ... Нищий для благотворителя был лучший богomoлец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. ... Древнерусские цари накануне больших праздников, рано по утрам, делали тайные выходы в тюрьмы и богадельни, где из собственных рук раздавали милостыню арестантам и призреваемым, также посещали и отдельно живших убогих людей»⁶.

Представляется, что российские цари династии Романовых в своих благотворительных щедротах руководствовались двумя видами соображений: религиозными на основе евангельских заповедей «просящему у тебя, дай», «не должно быть у тебя нищего»

¹ Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. URL: <http://www.golubinski.ru/russia/dobrye.htm>

² Исаев А. К вопросу о хозяйственном значении благотворительности // Юридический вестник. 1880. Т. V. № 12. С. 471.

³ Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 6. С. 7.

⁴ URL: <http://otvet.mail.ru/question/58333609>

⁵ Стог А. Об общественном призрении в России. Издано при Министерстве полиции. СПб., 1818. Ч. 1. С. 14.

⁶ Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси.

и кормленческим. Кормленческая функция власти, как справедливо отмечает Т. Кондратьева, была очень важной, которая заключалась одновременно в ритуальной красочной и богатой демонстрации изобилия при дворе и жестках монарха, щедро раздающего дары (в основном — землю. — К.И.). Так, современники в соответствии со своими верованиями утверждались в том, что земли, управляемые богатым и щедрым царем, будут плодоносить. В таком контексте, — считает Т. Кондратьева, — застольный ритуал следует понимать как знак гарантирования «продовольственной безопасности», необходимый для поддержания повседневного порядка и присущий поведению всех потребителей как наверху, так и внизу социальной лестницы»⁷.

Некоторые исследователи пытаются связать мысль о российском крепостном праве как о случайном явлении, своего рода «специфическом роке» России, от которого как ни пытались избавиться цари рода Романовых, так и не смогли на протяжении большого отрезка исторического времени. Однако это, на наш взгляд, не так. Крепостничество в упомянутой выше политике поддержания порядка на основе кормленческой функции занимало особое место — оно было призвано обеспечить сохранение личной зависимости каждого крестьянина и помещика от верховной власти царя, от его кормлений. И только к середине XIX в., когда объективные потребности зарождающегося капитализма угрожали смести самодержавие, царизм серьезно взялся за отмену крепостного права. Тут же нашли и способ усмирения особенно неподатливых помещиков — государственный банк ссудил им крупные денежные кредиты, которые они проиграли в карточных играх и не могли вернуть⁸.

Уже в Соборном Уложении 1649 г. (гл. 7, п. 43) проявляется забота царя Алексея Михайловича о простых людях: «А будет кто в голодное время сам себя с женою, или сына или дочь отдает кому в работу на прокорм и записи на себя в том дает, и по той записи житии им у того, кому они в работу дадутся до тех мест, покамест они окупятся»⁹. Особенное внимание государь уделяет государственным служащим, защищая их от хлеб-

ных спекулянтов. Так, согласно п. 21 гл. 7 он повелевает: «А будет у кого, у ратных людей на государеве службе, запасов и конских кормов не станет, а на торгу их продают дорогою ценою, ... и воеводам с тем челобитчиком к тем людям у кого он присмотрит хлебные запасы и конские кормы, посылати приставов, и велети у тех людей, у которых они будут в лишке, за их домашними расходами, имати их по указной цене». Другими словами, имеется в виду, что в целях оказания помощи чиновникам зерно и корм должны изыматься у их собственников по их стоимости. При этом чиновникам возбраняется проявлять самоуправство и лично заниматься насильственным изъятием продовольствия. Хотя при обнаружении такого правонарушения наказание на них применяется весьма щадящее. Согласно п. 22 гл. 7 «а будет кто служилые люди ...имати хлебные запасы и конские кормы насильством, или учнут кого грабити или дворы или огороды... учнут пустоштити, или иные какие убытки делати, и в том на них будут челобитчики, а сыщется про то допряма, и на тех людей, ...те убытки правити вдвое»¹⁰.

Царь Федор Алексеевич, царствовавший с 1676 г., — по мнению А. Стога, — оказал многие милости потерпевшим разорение от пожара в Москве в 1678 г.; для размещения больных и убогих построил каменные дома, на содержание их и на искупление пленных выделил крупные суммы; простил подданным многие казенные недоимки и облегчил сами подати. Его Указ 1682 г. повелевает: «По Указу Великого Государя ... велено построить две шпитальни или богадельни. А на пропитание их им даны будут вотчины...; чтобы впредь по улицам бродящих и лежащих нищих (меж которыми многие притворные воры, и всем здоровы и работать могут) не было. И то самое доброе и Богоугодное; и всяких похвал достойно, свидетельствует о том Божественное писание обоих Заветов»¹¹.

Действительно, упование простолюдинов исключительно на подавание благочестивых привело в России к массовому попрошайничеству, бродяжничеству и тунеядству. При Петре I попрошайничество получило такой размах, что многие крестьяне побросали свои земельные участки и устремились в города просить милостыню. Поэтому главный акцент в благотворительной деятельно-

⁷ Кондратьева Т. Кормить и править. М., 2006. С. 156, 190.

⁸ Ибрагимов К.Х. История права собственности на землю в России: IX– начало XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. С. 31.

⁹ ПСЗРИ Соборное Уложение 1649 г. Т. 1. С. 123.

¹⁰ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1985. С. 95.

¹¹ Стог А. Указ соч. С. 30.

сти Петра I был в отделении действительно нуждающихся от здоровых «притворцов», создать первым все необходимые условия для их социальной защиты. Так, в его Указе от 30 ноября 1692 г. отмечается: «Известно, что в Москве гуляющие люди, подвязав руки, також и ноги, а иные глаза завеса и зажурия, будго слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыни, по осмотру они всем здоровы; и тех людей имать и расспрашивать, и буде некоторые скажутя из городов и посадов посадские люди, а иные скажутя дворцовые и помещиковы крестьяне, и тех по расспросным речам ссылат в те города в посад, из коих они пришли, а дворцовых в дворцовые волости, а помещиковых отдавать помещикам. ...При повторном же притворном лукавстве учинить жестокое наказание, бить кнутом и ссылат в ссылку в дальние в Сибирские города».

Петр Великий первым из царей России обратил внимание на необходимость охраны жизни незаконнорожденных. Для этого он в Указе от 16 января 1712 г. № 2467 повелевает: «По всем губерниям учинить шпиталеты для самых увечных таких, которые ничем работать не могут, ни стеречь также и зело престарелым. Также прием незазрительной и прокормление младенцев, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали (сиречь убивства) по примеру Новгородского Архиерея»¹².

Однако на содержание богаделен требовались немалые суммы денег. Обладая хорошей природной предприимчивостью, Петр I находит источник их поступления — за счет продажи церковных свечей. Если до сих пор эти деньги клали в себе в карман отдельные ловкачи, теперь же их продажа вменялась в обязанность церквам и за счет выручки от этого им поручалось «построить везде при церквах богадельни, пребывания ради нищенствующих больных»¹³.

Будучи хорошо осведомленным в европейской культуре и методах поддержания надлежащего общественного порядка, Петр I был ревностным противником шатающихся без дела людей. Так, в Указе от 6 апреля 1722 г. он указывает, «чтобы по миру нищим не ходить, понеже о нищих увечных Указ есть, а здоровых, когда поймают, в каторжную работу с наказанием

отсылать, ибо в такихых много воров бывает».

Во времена царствования преемников Петра I — Екатерины I и Петра II благотворительность оставалась в пределах тех правил, которые были установлены их знаменитым предшественником. Единственными законодательными новеллами были «Определение в Правительствующем Сенате от 9 декабря 1725 г.», «чтобы старицы не ходили по улицам для прошения милостыни, но были бы призрены от монастырей», и Указ от 3 марта 1726 г. «О приискании особых домов для приема и призрения незаконнорожденных».

При Анне Иоанновне (1730–1740 гг.) постоянно высокое внимание уделяется строительству новых богаделен и поддержанию в них порядка. Так, в Указе от 17 марта 1730 г. повелевается: «...Храмы же и нищепитательные дома, которые от скудости или иным образом опустели, возобновить и всеми потребными удовольствовать»¹⁴. В Указе от 9 сентября 1739 г. постановляется: «О присылке ежегодно в Синод ...рапортов об устрояемых при церквах на основании прежних указов богаделен. Сбирать подаяния к содержанию и довольству неимущих своего питомства, которые весьма здравия лишены и пропитания ниоткуда получать и сами о себе промышлять не могут, и собирая оные, содержать в приличных местах в твердости за замком и печатями в ящиках»¹⁵. Кроме того, весьма активно ведется борьба с бродяжничеством. Например, в Указе от 17 марта 1730 г. отмечается: «О мерах к пресечению бродяжничества нищих и об учреждении для содержания их богаделен в церквах. Нищим по миру на Москве мужеска и женска пола и ребятам и старцам милостыни не просить и по мостам не сидеть, а быть им в богадельнях по-прежнему. ...Противном случае ловить и приводить в Монастырский Приказ и чиня наказание отсылать в богодельни и монастыри»¹⁶. При Анне Ивановне в 1734 г. был издан указ, по которому помещикам и другим властям, в подчинении которых состояли крестьяне, вменялось в обязанность продовольствовать на свой счет крестьян, а невыполняющих эту обязанность велено было подвергать «великому истязанию и разорению без милосердия». Однако этот указ

¹² ПСЗРИ. Указ от 16 января 1712 г. № 2467. Т. 4. С. 779.

¹³ ПСЗРИ. Указ от 28 февраля 1721 г. № 3746. Т. 5. С. 362.

¹⁴ ПСЗРИ. Указ от 17 марта 1730 г. № 5518. Т. 8. С. 257.

¹⁵ ПСЗРИ. Указ от 9 сентября 1739 г. № 7893 Т. 10. С. 894.

¹⁶ ПСЗРИ. Указ от 19 мая 1733 г. № 6406. Т. 9. С. 128.

оказался без всякого практического применения, так как в годы неурожая помещики также оказывались без урожая¹⁷.

Царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) начинается борьбой с погрешностями, особенно в столицах страны. Так, в Указе от 26 июня 1741 г. повелевается: «Нищих обою пола в С. Петербурге не пропускать, и о том... на все заставы подтвердить крепкими указами. ...Которые же помещиковы крестьяне здесь явятся бродящие... оных выслать на прежние их жилища под конвоем, а что при высылке издержано на них будет денег оные взыскивать с их помещиков или прикащиков и старост, дабы они о непропуске их к смотрению более прилежность имели».

У этой императрицы отмечается хорошая хозяйственная смекалка. Ради экономии финансовых средств она в Указе от 6 ноября 1760 г. предлагает отправить из столицы в губернии всех отставных, раненных и увечных солдат, поскольку там много дешевого продовольствия, «где, как известно, весьма недорогою ценою хлеб покупается, а притом по тамошнему изобилию как мяса, так и наипаче по текущих в тех местах немалым рекам и рыбы довольно, чем те отставные за их службы наилучше пользоваться будут и от болезней своих поправиться могут»¹⁸.

Екатерина II Великая правила Российским государством в 1762–1796 гг.

Ее подход к организации благотворительности в России был не менее рациональным. Будучи, как и все ее цари-предшественники, последовательным противником тунеядцев, она также борется с этим социальным злом, но уже на более высоком уровне интеллекта — все праздношатающиеся здоровые люди должны использоваться на производстве. Например, Указ от 26 марта 1762 г. повелевает отсылать «всех приводимых в полицию праздношатающихся женского полу людей в мануфактур-Коллегию и Камер-Контору для распреде-

ления их на фабрики, а престарелых в богадельни»¹⁹.

При Екатерине II выдвигается новая мера — устройство запасных магазинов с наполнением их хлебом сначала за счет казны, а с 1765 г. за счет крестьян, с которых хлеба собирались натурой. Принцип натуральной принудительной самопомощи сохранил свою силу и на все последующее царское время. Далее выдвигается принцип трудовой помощи: правительство приходит к сознанию необходимости статистики урожая. Павел I подтвердит законом о лучшем устройстве магазинов и велит собрать хлеба на два года. В 1799 г. по проекту Оболянинова был издан закон, обязывающий иметь хлебные магазины во всех селениях, имевших не менее 50 душ²⁰.

Литература

1. Артамонов А.В. Административное право на современном этапе // Юрист. 2007. № 3. С. 56–59.
2. Вишняков Н. Общественная и частная благотворительность // Странник. 1878, декабрь. С. 358–368.
3. Ибрагимов К.Х. История права собственности на землю в России: IX– начало XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. С. 31.
4. Исаев А. К вопросу о хозяйственном значении благотворительности // Юридический вестник. 1880. Т. V. № 12. С. 471.
5. Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. URL: <http://www.golubinski.ru/russia/dobrye.htm>
6. Кондратьева Т. Кормить и править. М., 2006. С. 156, 190.
7. Поротиков А.И., Яковлев А.С. Исполнение обязательств за счет должника // Юрист. 2014. № 22. С. 4–11.
8. Радищев А.Н. «О законоположении», 1801–1802 гг. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/>
9. Степин А.Б. Нормативная основа защиты частного права в системе российского законодательства // Юрист. 2014. № 18. С. 38–41.
10. Стог А. Об общественном призрении в России. Издано при Министерстве полиции. СПб., 1818. Ч. 1. С. 1.
11. Фелвер А. Полицейское право. Казань, 1907. С. 96.
12. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 6. С. 7.

¹⁷ Фелвер А. Полицейское право. Казань, 1907. С. 95.

¹⁸ ПСЗРИ. Указ от 6 ноября 1760 г. № 11139. Т. 15. С. 560.

¹⁹ ПСЗРИ. Указ от 26 марта 1762 г. № 11485. Т. 15. С. 956.

²⁰ Фелвер А. Указ. соч. С. 96.

Городская реформа 1892 г. в Тобольской губернии: теоретические замыслы и практическое воплощение

*Томилов Игорь Сергеевич,
лаборант Лаборатории истории освоения Сибири
Тобольской комплексной станции Уральского отделения
Российской академии наук
igor.tomilov.85@mail.ru*

Городская реформа 1892 г. была консервативной по своей сути, оставив неоднозначные взгляды современников на происходящие события. Не секрет, что замыслы создателей законопроекта и реализация Положения 1892 г. на практике расходились в своей сути. Провинциальный компонент, основанный на материалах отдаленной губернии, позволит выявить специфические для данного региона особенности внедрения нормативно-правового акта.

Ключевые слова: городская реформа, Тобольская губерния, законодательный акт, депутат, городская дума.

City Reform of 1892 in Tobolsk Government: Theoretical Intentions and Practical Realization

*Tomilov Igor S.,
Assistant of the Laboratory of Siberia Reclaiming History
of the Tobolsk Complex Station of the Ural Department
of the Russian Academy of Sciences*

The municipal reform of 1892, he was conservative in nature, leaving ambiguous the views of contemporaries on the events. It is no secret that the intentions of the creators of the bill and the implementation of the Provisions 1892 in practice differed in their nature. Provincial component based on the materials of a distant province, will identify specific for this region features the introduction of normative-legal act.

Key words: urban reform, Tobolsk province, legislation, member, municipal duma.

Институты представительства, как общегосударственные, так и местные, за время существования центрально оформленной истории России подверглись значительной эволюции и видоизменялись в зависимости от политико-властных реалий¹.

Начатые либеральные преобразования общества и административного управления способствовали революционному подъему в 70–80-х гг. XIX в., причиной которого стало недовольство проводимой политикой. После гибели царя-реформатора его сын, Александр III, заявил о необходимости охранять самодержавие, навести порядок в работе учреждений власти и управления. В свете этого дальнейшие уступки общественным движениям представлялись губительными, либеральные проекты и конституционные идеи были признаны преступными и подлежали ограничению или сворачиванию. При поддержке реакционно настроенных деяте-

лей император взял контрреформационный курс на охранение «незыблемости» режима абсолютизма, усиление власти и высшего управления, максимальную централизацию аппарата, ужесточение полицейского контроля и ограничение ряда прав подданных, как в европейских, так и сибирских губерниях империи². С этой целью Александр III осуществил пересмотр отцовских реформ, который коснулся административной, судебной, образовательной и других сфер функционирования государства.

Неизбежность изменения городского управления диктовалась невозможностью сохранить прошлый статус для выборных посадских учреждений при реорганизации такового для земства и недейственность ведения городского хозяйства³. Новое Го-

¹ Тимофеева А.А. Эволюция институтов представительства в России: историко-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 54–59.

² Храпцов А.Б. Полицейский надзор в Западной Сибири в 1880-е гг. // История государства и права. 2014. № 22. С. 8–12; Коновалов И.А. Полицейская реформа в Сибири во второй половине XIX в. // История государства и права. 2014. № 9. С. 25–28.

³ Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX– начале XX в. СПб., 1994. С. 10.

родовое положение от 11 (23) июня 1892 г. внесло кардинальные изменения по сравнению с Положением 1870 г., предусматривая ужесточение надзора со стороны государственных учреждений за деятельностью органов городского самоуправления⁴. Его основные пункты заключались в следующем:

1) более подробно регламентированы предметы ведения и функции органов самоуправления, направленные на развитие торговли, промышленности, кредитно-биржевого дела, а также относимые на городские средства статьи расходов. Важнейшей прерогативой думы стало формирование городского бюджета. Усложнение социальной структуры населения и определенная эволюция городского хозяйства, приобретавшего черты капиталистической экономики, вызвали расширение рамок попечительства об устройстве православных учреждений с целью «укрепить религиозное чувство и поднятие нравственности» обывателей;

2) существенно изменены системы органов самоуправления, их социальный и численный состав, порядок формирования и взаимоотношения с правительственными ведомствами;

3) упразднены три разряда и соответствующие им три собрания (съезды избирателей), теперь гласных выбирали под председательством головы на одном общем избирательном собрании в назначаемые управой и утвержденные губернатором сроки. Для начала процедуры выборов в собрание должно прибыть количество выборщиков, превышающее число подлежащих избранию гласных и кандидатов;

4) налоговый ценз заменен имущественным: теперь право голоса получили физические и юридические лица, владеющие не менее года обложенным оценочным сбором недвижимым имуществом стоимостью свыше 3 тыс. руб. для Москвы и Санкт-Петербурга, не менее 1,5 тыс. руб. — для Одессы и губернских городов с населением от 100 тыс. чел., более 1 тыс. руб. — для оставшихся губернских, областных, градоначальных и крупных уездных городов, свыше 300 руб. — для остальных городских поселений. В результате этого число избирателей сократилось в 2–3 раза, не только немущие и малоимущие слои населения, но также мелкие и средние владельцы фактически были отстранены от участия;

5) малые города, исходя из недостаточности средств, рода занятий населения или степени развития торговли и промыслов, получили «упрощенное управление»; оно заключалось в избрании сходом домовладельцев, обладающих недвижимым имуществом оценочной стоимостью не менее 100 руб., 12–15 уполномоченных, в свою очередь выбиравших старосту и его помощников;

6) для замены выбывших по той или иной причине депутатов, головы или его помощников вводилась новая, резервная, категория — кандидаты в гласные, число которых составляло не менее 1/5 от количества депутатов;

7) права городских дум были ограничены: отсутствовало положение о самостоятельности органов самоуправления; расширен круг постановлений думы, подлежащий утверждению Министра внутренних дел, губернатора и по земским и городским делам Присутствия; увеличено количество должностей (включая не только городского голову и его товарищей, но и членов управы, городских секретарей), назначаемых губернатором и Министром внутренних дел;

8) думу обязали составлять обязательные постановления, регламентирующие: меры противопожарной и санитарно-гигиенической безопасности на улицах и в помещениях; правила охраны памятников историко-культурного назначения; содержание сухопутных и судоходных путей сообщения; использование общественного транспорта; профилактику наводнений, эпидемий и скотского падежа и пр.⁵

В отличие от реформы 1870 г., проводившейся в Тобольской губернии позднее и растянутое, чем в центральных регионах, нормативный акт 1892 г. распространен в Сибири в ограниченные сроки — 1894–1896 гг. Новый закон, исходя из социально-экономических, географических и демографических особенностей, ввел 3 формы городского управления: в полном объеме (для городов с населением свыше 10 тыс. чел. и годовым бюджетом от 25 тыс. руб.), вариативный порядок для уездных и безуездных городских поселений (обязанности управы исполняет голова, а к функциям органов самоуправления добавлялись выполнение обязанности по мещанскому управлению) и «упрощенное самоуправление» (для малочисленных

⁴ Толочко А.П., Коновалов И.А. Городское самоуправление в дореволюционный период. Омск, 1997. С. 49.

⁵ Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3. Т. 12. СПб., 1895. Ст. 8708. С. 433–439, 441–445, 447–451, 454–455.

и экономически слабо развитых городов)⁶. В Тобольской губернии полную форму получили Ишим, Курган, Тара, Тобольск, Тюмень, упрощенную — Березов, Сургут, Туринск, Тюкалинск и Ялуторовск. Предлагаемую 92-й статьей Положения особую форму для некоторых городов де-юре никто не выбрал.

Городовое Положение 1892 г., как и последующие распоряжения правительства, ограничило право общественного управления, поставив его в прямую зависимость от органов государственной власти. Управа, как исполнительный орган выборных учреждений, зависел в большей степени от губернатора, чем от думы⁷.

К концу XIX в. правом участия в выборах обладали всего 2 567 горожан Тобольской губернии (1,4% от всего городского общества; в целом в первые годы действия нового закона этот показатель колебался от 0,6 до 1,5%; для сравнения, в 1870-е гг. это значение равнялось в среднем 10%), преимущественно дворяне-домовладельцы и крупная торгово-промышленная и финансовая буржуазия с владением недвижимого имущества. Количество избирателей в некоторых городах сократилось в 5–10 раз, составляя иногда равное с числом самих гласных. В Тюмени численный состав думы в 1894–1915 гг. варьировался от 23–35 гласных (без учета кандидатов), в Тобольске — от 20–29, Кургане — от 20–40⁸.

Незначительные отличия в количестве, должностном составе и жалованье служащих не имели весомого значения при ее функционировании, и управа каждого города региона, по сути, была однотипной. Такая же тенденция наблюдалась в ее организационной структуре: для выполнения задач формировались из числа гласных, членов управы и подобранных специалистов городские комитеты (комиссии): подготовительные — для сбора необходимых сведений, предварительного рассмотрения вопросов; исполнительные — для наблюдений и контроля за выполнением постановлений учреждений власти и думы. В зависимости от предпола-

гаемого срока действия создавались временные и постоянные комиссии.

Изменения, относящиеся к управам губернии, касались и перевода на «упрощенное управление», введенное после реформы 1892 г. в половине городов (Ялуторовске, Туринске, Тюкалинске, Березове, Сургуте). Это объяснялось экономическими, климатическими, демографическими, сословными и прочими условиями, отличавшимися от других городов: незначительность купеческого и дворянского сословий, низкая плотность населения, невысокие темпы экономического развития, хронический бюджетный дефицит, отсутствие крупных торгово-промышленных предприятий, традиционные занятия жителей и др. Выборы в думу регламентировались утвержденной министром внутренних дел 30 мая 1893 г. Инструкцией по организации городских упрощенных управлений. Но в результате отсутствия необходимого опыта ничтожное число учебных заведений и закончивших их грамотных людей городские власти малых поселений допускали многочисленные разноплановые ошибки и недочеты, отступления от законодательства и мелкие нарушения. Так, по переписи 1897 г. число грамотных людей в городах Тобольской губернии, получивших «упрощенное самоуправление», составляло: в Березове — 44%, в Сургуте — 40%, Туринске — 40%, Тюкалинске — 31%, Ялуторовске — 43%⁹.

Положение лишало малые города с «упрощенным управлением»: права принимать обязательные постановления, передавая его в ведение начальника губернии; надзирать за деятельностью торговли; составлять и менять планы городской территории и пр. Существенное расширение контролируемых полномочий губернатора и лишение малых самоуправлений принудительных функций привели к частым конфликтам с собраниями малых городов, мешая эффективному развитию местного хозяйства.

Социально-статусные характеристики городских депутатов также претерпели изменения к концу XIX — началу XX вв. Несмотря на частый отказ более пожилых горожан, в силу ухудшения здоровья, от оказанного им доверия, наблюдалось весьма заметное «старение» думы, связанное с явлением переизбираемости. Оставляла желать

⁶ Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3. Т. 12. СПб., 1895. Ст. 8708. С. 446.

⁷ Макаруч С.В. Проблемы местного городского самоуправления Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: // Вторые науч. чт. памяти. проф. А.П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 г.: мат. конф. Барнаул, 2000. С. 151.

⁸ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1088. Лл. 8–8об., 15–15об., 26–26об.; Тобольские губернские ведомости. 1893. № 27. С. 2; 1894. № 24. С. 2; № 49. С. 7.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 27.

лучшего и образованность депутатов, в малых городах статусом депутата повсеместно обладали малограмотные или неграмотные лица. Правительство признавало малограмотность одной из основных причин неэффективной деятельности в городских делах, надеясь реформой 1892 г. повысить образованность депутатов. С развитием социальной инфраструктуры и нарастанием процессов просвещения образовательный уровень действительно стал меняться в лучшую сторону, оставаясь, впрочем, низким. По подсчетам А.Б. Храмцова, в начале XX в. депутаты с высшим образованием составляли всего лишь 6, со средним — 56, домашним — 35 и неграмотные — около 3%¹⁰. По имущественному цензу абсолютное большинство думцев принадлежало к владельцам недвижимости, которая подвергалась оценке и облагалась сбором в доход города (58%). Другую самостоятельную часть составляли содержатели торгово-промышленных заведений, плативших налоги с торговых свидетельств (около 8%). Остальное число депутатов обладало смешанным цензом (34%).

Абсентеизм к концу XIX в. в Тобольской губернии усиливался. Кроме еще большего ограничения избирательных прав и ужесточения ценза новое Положение вводило обязательную общественную службу с системой чувствительных наказаний в случае уклонения от исполнения своих обязанностей. Горожан отталкивала, по их мнению, бессмысленная потеря времени — многие из них имели свое торгово-хозяйственное дело, а должность гласного, ко всему прочему, предполагала безвозмездную основу. Только голова, члены управы, секретарь и наемные служащие, то есть только приравненные к государственной службе должности, получали жалованье. Установившееся положение вещей зачастую приводило к новому явлению, не имевшему такого массового характера после реформы 1870 г. — текучке депутатов. Так, из состава Курганской думы в 90-е гг. только в период работы одного созыва по разным причинам выбыло сразу 12 гласных (почти половина всего числа представителей). Нестабильное состояние состава дум приводило к невозможности легитимно принимать решения по наиболее важным делам, кворум для решения которых составлял не менее 2/3 от количества депутатов. Однако допускались «чрезвычай-

ные собрания» дум, проводившиеся с согласия губернатора во время особых обстоятельствах, не терпящих отлагательств, — во время природных бедствий, военных условий, ухудшающейся эпидемиологической обстановки и т.д. С течением времени администрация все чаще стала использовать подобные «исключительные» поводы, не требующие обязательного кворума и дающие возможность незначительному количеству депутатов решить важнейшие проблемы. С аналогичными трудностями сталкивалась и управа.

Тобольские губернаторы воспользовались возможностью и усилили надзор за деятельностью городских управ и дум. Это немедленно сказалось на ходе и итогах местных выборов. Участились случаи неутверждения выборных должностных лиц самоуправлений (глав, членов управ и др.): первостепенное внимание губернская администрация уделяла доносам сотрудников своих ведомств на местах и проверке политической благонадежности кандидатов¹¹.

Особенностью развития локального самоуправления стало столкновение представительной власти с общероссийскими (нехватка управленческого опыта, процветающие последствия дореформенной системы, далекое от совершенства функционирование банковско-кредитного механизма) и местными трудностями (неблагоприятные географо-климатические условия, сложившийся на протяжении столетий значительный уголовно-ссылный контингент, ограниченное правовое поле). К местным специфическим чертам стоит несомненно отнести невозможность использовать полезный потенциал земских учреждений и рычаги новой судебной реформы. Этот недостаток не позволял местному управлению стать всецело комплексным, полным и препятствовал формированию эффективной машины городской власти, но одновременно увеличивал роль представительных учреждений по сравнению с европейской частью России.

Противоречия между властями губернии и города не только сохранялись, но после активных всевозрастающих вмешательств администрации обострились и участились. Возник противоположный эффект — сообщество городов и его лидеры были на психолого-теоретическом и законодательно-практическом уровнях настроены против представителей местного чиновничьего ап-

¹⁰ Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX– начала XX века. Тюмень, 2010. С. 23.

¹¹ Там же. С. 207–209.

парата. В условиях серьезных и жестких целенаправленных попыток правительственных и губернских органов ограничить деятельность общественного самоуправления оно сохраняло частичную свободу действий и независимость в реализации своих устремлений.

Значительная часть ученых-урбанистов склонна считать главной причиной принятия городского законодательства 1892 г. стремление самодержавия укрепить позиции своих опорных сословий — дворянства и чиновничества, терявших свои силы перед наступающими купечеством и торгово-промышленной буржуазией¹². Однако такое утверждение справедливо скорее для областей европейской России, со значительным числом дворян и крепкими позициями чиновников. Для сибирских регионов, как показывают проведенные исследования, доля купеческого элемента действительно снизилась по сравнению с 1870–1880 гг. Но при этом частично опустевшую нишу городского представительства в губернии, в силу малочисленности дворянства и непопулярности в обществе чиновников, закономерно и преимущественно заняли мещане, крестьяне, отчасти — торгово-промышленный капитал и в меньшей мере — чиновники.

Надо отдать должное депутатам, часть из которых категорически отказывалась идти на уступки правительству, зачастую одерживая победы как в принципиальных вопросах, так и незначительных спорах. Тем не менее ко второму десятилетию XX в. в городах Тобольской губернии накопился целый комплекс сложных, болезненных и тянущихся не один год проблем, требующих скорейшего разрешения. Но начавшаяся Первая мировая война, а затем революционные события отодвинули назревшие ре-

формы городского и сельского самоуправления на задний план. После завершения глобальных потрясений было проведено коренное преобразование городских учреждений в рамках новой идеологической парадигмы.

Литература

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1088.
2. Коновалов И.А. Полицейская реформа в Сибири во второй половине XIX в. // История государства и права. 2014. № 9. С. 25–28.
3. Макарьчук С.В. Проблемы местного городского самоуправления Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Вторые науч. чтения пам. проф. А.П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 г.: мат. конф. Барнаул, 2000. С. 151.
4. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX в. СПб., 1994.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. Тобольская губерния. СПб., 1905.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 12. СПб., 1895. Ст. 8708. С. 430–456.
7. Тимофеева А.А. Эволюция институтов представительства в России: историко-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 54–59.
8. Тобольские губернские ведомости (далее — ТГВ). 1893. № 27.
9. ТГВ. 1894. № 24.
10. ТГВ. 1894. № 49.
11. Толочко А.П., Коновалов И.А. Городское самоуправление в дореволюционный период. Омск, 1997.
12. Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003.
13. Храмов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX — начала XX века. Тюмень, 2010.
14. Храмов А.Б. Полицейский надзор в Западной Сибири в 1880-е гг. // История государства и права. 2014. № 22. С. 8–12.

¹² Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. С. 45, 58.

Нравственно-правовая концепция отечественной государственности в представлениях В.Д. Каткова

*Божко Евгений Алексеевич,
аспирант кафедры теории и истории государства и права
Белгородского университета кооперации, экономики и права
Bozhko_Evgenii_1990@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению своеобразной и малоизученной в юридической литературе этико-правовой доктрины русской государственности, нашедшей свое отражение в трудах дореволюционных представителей консервативной государственно-правовой мысли. Отдельное внимание уделяется В.Д. Каткову как одному из выдающихся отечественных правоведов, в представлениях которого прослеживается особый взгляд на государственно-правовую действительность, определяющий нравственно-правовой подход ученого к русской государственности.

Ключевые слова: *нравственность, право, самодержавие, религия, консерватизм, этика, государственность, мораль, христианство, верховная власть.*

Moral Legal Conception of Domestic Statehood in Representations of V.D. Katkov

*Bozhko Evgeniy A.,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State
and Law of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*

The article is devoted to the unique and little-known in the legal literature, ethical and legal doctrine of the Russian state, which is reflected in the works of pre-revolutionary representatives of the conservative public-legal thought. Special attention is paid VD Katkov as one of the prominent domestic jurists, in which views can be traced a special look at the state-legal reality, determining the moral and legal approach to the Russian scientist's statehood.

Key words: *morality, law, monarchy, religion, conservatism, ethics, statehood, moral, Christianity, the supreme power.*

На современном этапе становления и развития нашего государства отечественная государственно-правовая мысль характеризуется обширным спектром различных подходов к определению правовой природы русской государственности. Отдельного внимания заслуживает этико-правовой подход, раскрывающийся сквозь призму взглядов выдающихся и несправедливо забытых отечественных ученых, чей творческий и жизненный путь в переплетении с неподдельной преданностью к своей родине открывает новые горизонты изучения государственно-правовой действительности. При этом нельзя не отметить повышенное внимание современных ученых к проблеме терминологического определения понятия «государственность» и соотношения его с другими правовыми категориями¹, что, без-

условно, требует дальнейшего развития в представлениях научного сообщества.

В традиционном понимании главенство нравственной идеи, выраженное в непосредственном единстве права и морали, в сочетании с концепцией нравственно-религиозного обоснования права в своей исторической ретроспективе при игнорировании формально-юридической юриспруденции, обуславливает наличие нравственно-правового подхода к изучению проблемных аспектов эволюции отечественной государственности. Рассматриваемый подход достаточно ярко прослеживается преимущественно в научных трудах отдельных представителей консервативной государственно-правовой мысли, поскольку в отличие от либеральных правоведов, которые в большинстве своем придерживались европейской модели развития права, консервативные юристы, наоборот, при построении отечественной юриспруденции опирались на силу русских

¹ Сафронова Е.В., Карсканова С.В. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения // История государства и права. 2014. № 22; Шабуров А.С. Российское государство и российская государственность: проблемы соотношения и

историческое развитие // Российский юридический журнал. 2013. № 1.

традиций с учетом исторически сложившегося менталитета русского народа.

Представляется вполне очевидным, что подобный подход к отечественной государственности, прежде всего в силу своих национальных особенностей, находит свое отражение исключительно в воззрениях консервативно настроенных отечественных правоведов, преимущественно сквозь призму идей о русском самодержавии. В этой связи заслуживают внимания необоснованно преданные забвению такие яркие дореволюционные представители отечественной государственно-правовой мысли, как П.Е. Казанский и Н.А. Захаров. Данных неповторимых теоретиков русской государственности и самодержавия не только родила духовная близость, но и объединяли стены Императорского Новороссийского университета (г. Одесса), где Казанский с 1898 года трудился в должности ординарного профессора кафедры международного права, а Захаров являлся студентом Новороссийского университета и одновременно учеником Казанского².

В представлениях П.Е. Казанского идея русского самодержавия приобретает преимущественное значение с позиции его нравственно-религиозного отношения к российской государственности. Фундаментальную работу ученого под названием «Власть Всероссийского императора»³, вышедшую в свет в 1913 году, по праву можно считать азбукой русского самодержавия. Примечательно, что до недавнего времени изучение творчества П.Е. Казанского, как ведущего комментатора идеи самодержавной власти в России, не получило должного освящения в юридической литературе. Восполнение этого пробела взяли на себя современные отечественные ученые⁴. Одними из первых выдвигают мнение, утверждая П.Е. Казанского в качестве первого и единственного ученого в отечественной правовой науке, предложившего комплексный анализ юридического аспекта русского самодержавия, определяя

шего его не как абсолютную форму российской монархии, а как основу русского государственного строя.

По мнению Казанского, самодержавие коренится, прежде всего, в нравственном идеале и национальном самосознании народа. Ученый отмечает, что власть Всероссийского императора не только значимое образование русского права, но и величайшее явление «в области религиозно-нравственных отношений». Оно — результат «объединительного и организационного процесса, который привел народы ... к сплочению в одно великое государственное целое», в котором «нашли свое выражение и исторические судьбы русского народа, и его национальные особенности, нравственные идеалы и религиозные убеждения»⁵.

В дальнейшем основные постулаты, сформулированные своим учителем, продолжил развивать другой не менее выдающийся дореволюционный юрист и правовед Н.А. Захаров, добившийся немалых успехов в изучении русской государственности в рассматриваемом аспекте.

Выдвигая на первый план необходимость исследования государственного строя исключительно в неразрывной связи с историей его развития, в своей работе «Система русской государственной власти», вышедшей в свет в 1912 году, ученый отмечает, что «игнорирование исторических основ государственной жизни, непринятие в расчет особенностей быта и народной психологии приводит к узкому взгляду на государственный строй, не отражающему действительности, бросающему семена новых политических институтов, которые не могут взойти на чуждой почве»⁶. При этом государство он отождествлял с отдельной личностью, с правом свободного внутреннего развития, обладающей своими индивидуальными особенностями, которые бывают более оригинальны и разительны, чем более силен и независим может быть индивидуум.

Необходимо отметить, что в воззрениях Н.А. Захарова идея самобытности русской государственности получила более полное осмысление, что по праву отличает его оригинальностью мышления по сравнению с другими представителями консервативной правовой мысли, также уделявших внимание указанной проблематике. Примечательно, что в представлениях не только

² Ганин В.В. Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX – начало XX в.) // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 20.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М.: Издательство «ФИВ», 2007.

⁴ Сафронова Е.В., Каськова Н.В. Указ. соч.; Сафронова Е.В., Шипилов А.Н. П. Е. Казанский о роли главы государства в осуществлении судебной власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 23 (166). Вып. 26.

⁵ Казанский П. Е. Указ. соч. С. 23.

⁶ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 36.

Н.А. Захарова, но и в воззрениях прочих консервативнонастроенных юристов, в том числе П.Е. Казанского, как справедливо отмечает А.А. Васильев, прослеживается ряд объединяющих их исторических факторов, оказавших влияние на самобытность русского самодержавия. Связанных, прежде всего, с принятием православия, обусловившего мистическое восприятие власти русского монарха и высокое духовное предназначение царской власти, а также включение всех русских сословий и самого царя в общую службу, тягло, при котором ни одно сословие, особенно аристократия, не имело каких-либо привилегий и свобод для борьбы за свои интересы⁷.

Вышесказанное, с полной уверенностью можно отнести еще к одному не менее выдающемуся дореволюционному представителю отечественной государственно-правовой мысли, в большинстве своем разделявшему представления вышеназванных правоведов, непревзойденному юристу, ученому-правоведу, яркому публицисту и неповторимому теоретику русского самодержавия — Василию Данилову Каткову (1867–1919). В научных и публицистических работах которого, в тесном переплетении с личностью и нелегкой судьбой ученого, безусловно отложившей определенный отпечаток на его творчество, особенно ярко прослеживается доминирование религиозно-нравственных установок, определяющих этико-правовой подход ученого к русской государственности. Поскольку, как отмечает Василий Данилович, «никакие юридические «ограничения» не могут здесь изменить существа дела, так как это азбучная истина государственной науки, что основные законы страны носят не столько юридический, сколько нравственный характер: закрепленное бумагой на бумаге останется, если не находит себе нравственной и религиозной санкции среди народа... Бумага — одно, а нравственная и религиозная опора власти — другое...»⁸. Предопределяя Каткова как одного из выдающихся представителей государственно-правовой мысли, необоснованно забытых современной юриспруденцией, чему, по нашему мнению, необходимо уделить особое внимание.

⁷ Васильев А.А. Этико-правовая концепция русской государственности П.Е. Казанского и Н.А. Захарова // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 44.

⁸ Катков В.Д. Христианство и государственность. М.: Издательство «ФИВ», 2013. С. 26.

Вместе с тем рассматривая В.Д. Каткова наряду с П.Е. Казанским и Н.А. Захаровым в качестве ученого, обделенного вниманием современного научного сообщества, необходимо все же оговориться. Так, фундаментальные положения, сформулированные ученым в научных трудах, посвященных философскому осмыслению понятия и сущности права⁹, делают его основоположником системного изучения языка права, что также поддерживается современными учеными¹⁰. К тому же отечественные и зарубежные цивилисты при рассмотрении проблемных аспектов в области гражданских правоотношений в своих работах¹¹ нередко обращаются к фундаментальным постулатам, сформулированным В.Д. Катковым в учении о векселе и передаче его посредством передаточной надписи (индоссамента)¹², приобретающим в контексте развития современных общественных отношений все большую актуальность. В то время как не менее актуальные представления В.Д. Каткова о государственном устройстве не получили должного освящения в юридической литературе, так

⁹ Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Университетская типография, 1905; Катков В.Д. Наука и философия права? Берлин: Изд. книжного магазина Штура, 1901; Катков В.Д. Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция // Записки Новороссийского имп. ун-та. Юридический ф-т. 1913. Т. 1: Цивилистика. Вып. 12.

¹⁰ Божко Е.А. Юридикологическая гносеология В.Д. Каткова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62). Ч. 1; Титов В.Д., Зархина С.Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права: монография. Харьков: ФИНН, 2009.

¹¹ Божко Е.А. Взгляды В.Д. Каткова на юридическую природу векселя // Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / науч. ред. С.А. Никонович. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015; Божко Е.А., Буняева К.В. Передача векселя по надписи в понимании В.Д. Каткова // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов. Выпуск 12. Белгород: БелЮИ МВД России им. И.Д. Путилина, 2015; Чукулаев Р.В. Становление правового регулирования рынка ценных бумаг в России в дореволюционный и советский периоды // Российский юридический журнал. 2011. № 6.

¹² Катков В.Д. Общее учение о векселе. Харьков: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1904; Катков В.Д. Передача векселя по надписи (индоссамент). Одесса: Тип. «Техник», 1909.

и отсутствуют специальные исследования, посвященные личности и творчеству ученого, что, безусловно, является существенным упущением современной государственно-правовой доктрины, ликвидация которого дело нашего времени.

В свою очередь, говоря о Каткове как об одном из ведущих ученых, рассматривавших актуальные проблемы государства и права с опорой на национально-исторические особенности развития нашей страны, нельзя не отметить, что немаловажное значение в формировании и становлении представлений ученого, безусловно, сыграло его христианское происхождение. Родился Василий Данилович 26 апреля 1867 года в деревне Малая Николаевка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии и происходил из большой крестьянской семьи, чтившей православные традиции. Отцом Василия Даниловича был бывший крепостной музыкант, освобожденный по манифесту от 19 февраля 1861 года, уделявший особое внимание его воспитанию, занимая при этом небольшое положение в жизни при большой семье, находивший возможность отдавать более половины своего заработка за обучение сына. Отсюда, по нашему мнению, и объясняется особая преданность Каткова своему отечеству, переплетенная с исконно русскими семейными традициями, что по большому счету обуславливает преобладание нравственно-религиозных установок в представлениях ученого, характеризующих его этико-правовой подход к русской государственности.

После окончания в 1889 году Харьковского университета и совершенствования полученных знаний за границей в крупнейших городах и библиотеках Берлина, Гамбурга, Вены, Парижа, Цюриха¹³, в 1909 году судьба привела Каткова в консервативно настроенный Императорский Новороссийский университет в Одессе, где он после защиты магистерской диссертации с 1911 года работал в должности экстраординарного профессора кафедры политической экономики и статистики юридического факультета¹⁴. Причем

возглавляя юридический факультет в качестве декана в столь непростое послереволюционное время, с 1908 года, П.Е. Казанский, сыгравший немаловажную роль и в становлении университета как одного из самых реакционных в России, в котором, как справедливо отмечает известный отечественный исследователь консерватизма М.Б. Смолин, профессора в реальности могли спокойно учить, а студенты — учиться¹⁵. В сложившейся ситуации, где ученые, объединенные стенами университета, могли свободно высказываться по интересующим их вопросам, очевидна значительная роль Императорского Новороссийского университета в формировании и становлении представлений отдельных ученых о русской государственности, в том числе П.Е. Казанского и Н.А. Захарова, чего все же нельзя сказать о Каткове. Вполне очевидно, что проведенные годы в Императорском Новороссийском университете можно считать для Каткова наиболее научно-плодотворными, так как в указанный период им был написан ряд фундаментальных научных трудов, в том числе обусловленных спецификой предметов, составляющих его профессорско-преподавательскую деятельность¹⁶. Представляется все же, что основные воззрения, наиболее ярко отражающие нравственно-правовой подход ученого к русской государственности, были сформулированы Катковым в более ранних научных и публицистических сочинениях («О русском Самодержавии», «Нравственная и религиозная санкция русского Самодержавия», «Самодержавие и христианство» и другие) еще до поступления на службу в Императорский Новороссийский университет. Примечательно, что именно данный университет сыграл не последнюю роль в жизни ученого, предопределив его в том числе в качестве ведущего специалиста в области гражданского права. Фактически вознес Каткова на более высокую ступень научных знаний, что, безусловно, открывало для него новые пути исследования и способствовало укреплению его авторитета в глазах университетского научного сообщества.

В своих трудах ученый уделял особое внимание вопросам, связанным с государством, нацией, школой, диктатурой. Одна-

¹³ Рудская Н.В. Аутоиммунный синдром российского социума в исследованиях отечественных мыслителей консервативного направления (на примере публицистики Михаила Каткова и Василия Каткова) // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1. С. 192.

¹⁴ Ганин В.В. Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX– начало XX в.) // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 21.

¹⁵ Смолин М. Б. Путь имперского юриста // Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. М., 1999. С. 14.

¹⁶ Катков В.Д. Очерки статистики экономической и культурной: пособие к лекциям. Одесса: Тип. «Техник», 1912.

ко именно самодержавие в силу его национальной специфичности, подкрепленное непосредственной организацией верховной власти, выдвинулось для Каткова в качестве ключевого аспекта, в большей степени определяющего особенности русской государственности, «основу которой, — как отмечает сам ученый, — составляет, как известно, Верховная Самодержавная власть Всероссийских императоров»¹⁷. При этом сама верховная власть, по самому существу этого понятия, не ограничена юридически, ибо если бы она была юридически ограничена, она не была бы верховной властью — верховной была бы власть ограничивающая¹⁸. Вполне очевидно, что в представлениях В.Д. Каткова наиболее ярко, чего нельзя сказать, например, о П.Е. Казанском и Н.А. Захарове, прослеживается мысль, предопределяющая неограниченную юридически верховную власть монарха в качестве стержнеобразующей и неотъемлемой составляющей самодержавия в целом, фактически дающую самодержцу в ситуациях, не урегулированных законом, более широкую возможность для принятия решения на основе совести и справедливости. Данная позиция ученого представляется как никогда актуальной на современном этапе, в контексте существующих международных и национальных преобразований, требующих, зачастую, принятия сложных для нашего государства решений в условиях, к сожалению, все чаще выходящих за пределы правового поля.

Кроме того, сформулированные Катковым более века назад основные идеи относительно формирования и построения системы органов государственной власти российского государства приобретают сегодня все большую актуальность. В частности, политические процессы, протекающие в настоящее время на международной арене, обусловили необходимость отклонения от преобладающих на современном этапе либерально-демократических начал, лежащих в основе организации государственной власти в нашей стране, преимущественно ориентированных на западные и европейские установки. Поэтому сегодня наиболее объективно актуализировалась прослеживаемая в воззрениях Каткова мысль, поддерживаемая в том числе названными представителями консервативно-правовой мысли, о необходимости построения системы учреждений,

составляющих государственный аппарат исключительно с опорой на исконно русские индивидуальные ценности, присущие российскому государству. Поскольку в государственном отношении Россия является уникальной страной и рассматривается как нечто, не имеющие себе подобного ни в одной другой стране, а потому и учреждения ее не могут быть копией учреждений какой-либо другой страны.

Примечательно, что христианское происхождение Каткова в тесном переплетении с его православными убеждениями обусловило особое место религии в представлениях ученого, в том числе определяющих его отношение к государственному устройству. Причем, как справедливо отмечает Н.В. Каськова, в религии он видел действительную силу, способную двигать общество к прогрессу и вести к истине великий русский народ, считая при этом ее подлинной матерью разума, сравнивая с вечной попыткой решения основных вопросов мира, жизни и духа¹⁹. В понимании Каткова, лучшей опорой для идеологических установок, составляющих сущность религии, в частности христианства, является самодержавная монархическая власть. По его мнению, только «в христианстве, этой совершеннейшей из религий, есть скрытые течения в сторону монархического начала в государственной жизни и притом «монархического» в первоначальном и истинном смысле этого слова: в нем есть тенденция к абсолютному, тенденция к самодержавию». Кроме того, ученый, подчеркивая устойчивую и неразрывную связь религии и самодержавия, подкрепленную высокими этическими установками, утверждал, что «самодержавие является не только государственным, но и нравственным институтом с религиозным освящением, оправдываемое разумом, совестью и историей»²⁰. Тем самым, очевидно, что религия в понимании ученого обуславливается в качестве неотъемлемой составляющей русской государственности в целом, без укрепления и защиты которой невозможно поступательное развитие личности, общества

¹⁷ Катков В.Д. Христианство и государственность. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 220.

¹⁹ Каськова Н.В. Особенности понятия и значения религии в трудах В.Д. Каткова // Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / науч. ред. С.А. Никонович. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 91.

²⁰ Катков В.Д. Христианство и государственность. С. 53.

и государства, определяющие истинное величие отечества и русского народа.

В целом в научных и публицистических работах Каткова были сформулированы следующие основные положения, наиболее ярко отражающие нравственно-правовой подход ученого к русской государственности:

— основным институтом защиты социальной справедливости выступает государство;

— только народ, способный отстаивать свою национальную государственную власть, может быть свободным и обладает полнотой своих прав;

— всемогущий царь всегда будет являться идеалом русского человека, а царская власть ничто иное, как подвиг и тяжелый удел для властвующего;

— власть боится Бога и никого больше на земле, он ответственна только перед ним и историей;

— верховная самодержавная власть все-российских императоров составляет основу русской государственности;

— верховная власть и осознающий свою нравственную обязанность повиноваться власти народ являются основными элементами любого государства;

— отсутствие юридических ограничений власти выступает основным свойством, характеризующим верховную власть.

Таким образом, этико-правовой подход к русской государственности объединяет в большинстве своем отечественных консервативно настроенных представителей дореволюционной государственно-правовой мысли, необоснованно забытых современной наукой. Отдельного внимания, в данном контексте, заслуживает выдающийся юрист-государствовед В.Д. Катков, нравственно-религиозные установки, преимущественно преобладающие в научных трудах которого, обуславливают особый взгляд ученого на государственное устройство, приобретающий все большую актуальность на современном этапе, что, безусловно, требует более пристального рассмотрения.

Литература

- Божко Е.А. Взгляды В.Д. Каткова на юридическую природу векселя // Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / науч. ред. С.А. Никонович. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 467–471.
- Божко Е.А. Юридико-позитивистская гносеология В.Д. Каткова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62). Ч. 1. С. 31–35.
- Божко Е.А., Буняева К.В. Передача векселя по надписи в понимании В.Д. Каткова // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов. Выпуск 12. Белгород: БелЮИ МВД России им. И.Д. Путилина, 2015. С. 67–72.
- Васильев А.А. Этико-правовая концепция русской государственности П.Е. Казанского и Н.А. Захарова // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 42–46.
- Ганин В.В. Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX– начало XX в.) // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 20–23.
- Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. 400 с.
- Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М.: Издательство «ФИВ», 2007. 600 с.
- Каськова Н.В. Особенности понятия и значения религии в трудах В.Д. Каткова // Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: сборник материалов международной научно-практической конференции, 8 мая 2015 г. / науч. ред. С.А. Никонович. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2015. С. 89–91.
- Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Университетская типография, 1905. 462 с.
- Катков В. Д. Наука и философия права? Берлин: Изд. книжного магазина Штурта, 1901. VIII+115 с.
- Катков В.Д. Общее учение о векселе. Харьков: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1904. 351 с.
- Катков В. Д. Очерки статистики экономической и культурной: (Пособие к лекциям). Одесса: Тип. «Техник», 1912. 170 с.
- Катков В. Д. Передача векселя по надписи (индоссамент). Одесса: Тип. «Техник», 1909. 386 с.
- Катков В. Д. Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция // Записки Новороссийского имп. ун-та. Юридический ф-т. 1913. Т. 1: Цивилистика. Вып. 12. 509 с.
- Катков В. Д. Христианство и государство. М.: Издательство «ФИВ», 2013. 296 с.
- Рудская Н. В. Аутоиммунный синдром российского социума в исследованиях отечественных мыслителей консервативного направления (на примере публицистики Михаила Каткова и Василия Каткова) // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1. С. 190–193.
- Сафронова Е.В., Карсканова С.В. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения // История государства и права. 2014. № 22. С. 42–48.
- Сафронова Е.В., Каськова Н.В. «Самодержавие», «верховенство» и «суверенитет»: терминологическое соотношение в отечественном государствоведении конца XIX– начала XX в. // Проблемы права. 2014. № 4. С. 87–90.

19. Сафронова Е.В., Шипилов А.Н. П.Е. Казанский о роли главы государства в осуществлении судебной власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 23 (166). Вып. 26. С. 124–127.
20. Смолин М.Б. Путь имперского юриста // Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора. М., 1999. 600 с.
21. Титов В.Д., Зархина С.Э. Историческое развитие философско-логических концепций языка права: монография. Харьков: ФИНН, 2009. 432 с.
22. Чикулаев Р.В. Становление правового регулирования рынка ценных бумаг в России в дореволюционный и советский периоды // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 207–216.
23. Шабуров А.С. Российское государство и российская государственность: проблемы соотношения и историческое развитие // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 9–11.

Причина упадка государственной системы Волжской Булгарии в контексте преемственности «Восток— Запад»

*Зябиров Радик Мустафович,
соискатель Института истории
Академии наук Республики Татарстан
radick.z@yandex.ru*

В статье анализируются причины упадка государственной системы Волжской Булгарии. Основываясь на трудах исследователей по истории Булгарского государства, автор рассматривает проблему в контексте «Восток — Запад». Обозначены внешние и внутренние факторы упадка.

Ключевые слова: упадок, Булгарское государство, причина, противостояние, Великая Степь.

Reason for Decline of State System of Volga Bulgaria in the Context of Continuity “East-West”

*Zyabirov Radik M.,
Candidate Degree Seeking Student of the Institute of History
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*

The article analyzes the reasons for the decline of the state of Volga Bulgaria. Based on the works of scholars on the history of the Bulgarian state, the author considers the problem in the context of the “East-West”. Indicated by external and internal factors of decline.

Key words: decline, the Bulgar state, cause, opposition, Erika Steppe.

В VII веке на политической арене Среднего Поволжья появляется новое государственное образование — Булгарское ханство (Волжская Булгария). После разгрома Хазарского каганата территория Булгарии расширилась по Волге вплоть до Каспия. По мнению П.И. Рычкова, границы территории Булгарского государства доходили до Средней Азии, до границ Хорезма. М.З. Закиев полагает, что на востоке территория государства раскинулась до верховьев Оби и Иртыша, а на юго-востоке — до озера Балхаш¹.

¹ Еникеев Г.Р., Шихаб Китабче. Наследие татар. М.: Алгоритм, 2012. С. 39–40.

На первом этапе формирования государства, в X–XII вв. в Волжской Булгарии ислам стал официальной религией. Здесь, как и в Киевской Руси, возник этнополитический союз тюрков и славян, а также местных финно-угорских племен. Почти одновременно эти союзы стали политической силой на карте средневековой Евразии. Фактически в одно и то же время в Киевской Руси и Волжской Булгарии появилась потребность в упрочении внутригосударственных связей, объединении разноязычных племен, централизации власти. Видимо, с этой целью в X столетии булгарский нобилитет распространил в государстве ислам (922 г.),

русский — христианство (988 г.). Руси был нужен сильный цивилизованный сосед — Византия, Болгарии — арабский мир. В то время, когда в Европе, на Ближнем Востоке и в Северной Африке разворачивалась борьба христианского и мусульманского миров, в которой главным идеологическим императивом стала «священная война с неверными», взаимоотношения между исламской Волжской Болгарией и Русью были хотя и сложными, но в целом позитивными. Исторические источники не дают сведений об идеологическом и политическом противостоянии двух государств, напротив, в них есть свидетельства о растущей взаимовыгодной торговле, даже взаимопомощи². Произошло самое главное — укрепление торговых связей с мусульманским Востоком, в результате чего Волжская Болгария по «развитию торговли стояла на третьем месте в мире, после Греции и Ирана»³.

В первых военных столкновениях с монгольскими отрядами в конце первой четверти XIII в. участвовали объединенные дружины русских князей, болгар, половцев (кипчаков). С приходом монголов в результате образования Золотой Орды произошло первое объединение Волжской Болгарии и Руси в единую политическую систему. Болгар был покорен монгольским войском в 1236 г., русские княжества — в следующем 1237 г. Золотая Орда способствовала их интеграции.

Волжская Болгария оказалась на грани исчезновения, оказавшись в составе Золотой Орды. Чингизидами нанесен последний «неоправимый удар по Болгарии»⁴. Однако проблему и причину упадка государства необходимо видеть не во внешних факторах, а во внутренних хронических болезнях, от которых, по мнению исследователей, «уже не оправиться и не излечится»⁵. Шереф-эддин-Булгари вот как описывает нравы болгар в последние годы Казанского ханства: «Наши болгары славилась своим развратом. Ученые законными уловками разрешили брать про-

центы, а равно было много грехов прелюбодеяния и смертоубийства; по причине же пьянства оставили «джуму», оставили обряды, употребляемые после пятикратных молитв; считали дозволенным пить бузу и пиво, говоря, что нет у нас «мисра», оставили соборное моление; порицали имама Шафи, говоря, что его слова — пустословие; также оставили «айд»: стали весьма грешны против Всевышнего Бога...»⁶.

Историк И.Р. Тагиров, считает, что это утверждение не совсем обосновано и является «лишь уловкой Тимура, который хотел найти удобный повод, чтобы прибрать к рукам Волжскую Болгарию. Слишком богатой и процветающей была Болгария». Ученый опирается на слова Шигабутдина Марджани, указанные в труде «Мустафад ал-ахбар...», что причинами ослабления Волжской Болгарии были не сами болгары, а опустошительные походы Тамерлана и коварство его войска⁷. Однако у Марджани есть и другая точка зрения по данному вопросу: проблема заключалась не только в завоевателях, но и ряд внутренних причин способствовали ослаблению государства и окончательной гибели Булгара — отсутствие единства, гражданские войны, упадок хозяйственной деятельности и нравов, а также уменьшение роли экономических факторов в жизни общества имели основание существовать среди болгар⁸. Его концепция состоит из выявления причин социального регресса в жизни татаро-болгарского народа и Востока в целом. Во-первых, ученый призывает обратить внимание на то, что «тормозом социального прогресса и причиной отсталости болгарского народа является пассивность и безразличие личности, которую старалась привить господствующая идеология»⁹. Второй, по его мнению, связан с тем, что каждый должен заниматься своим делом: от халифа «до простого работника люди халифата должны стремиться развивать свою профессию и привлекать мусульман к овладению различными полезными навыками для укрепления государства», «на сегодняшний день мы имели бы умму, которая как минимум способна

² Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России: сб. статей / под. ред. А.Б. Юнусовой и А.В. Малашенко. М.: Моск. центр Карнеги, 1998. С. 94.

³ Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. С. 73.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Историко-философский ежегодник. Российская Академия Наук. Институт философии. М.: Изд-во «Наука», 2008. С. 213.

⁶ Шпилевский С.М. Древние города и другие бугарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877. С. 29–30.

⁷ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар. Т. 1. Казань, 1885. С. 92.

⁸ Там же. С. 374.

⁹ Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981. С. 177.

была производить спички и держать в руках молоток»¹⁰.

Современные исследователи Гали Еникеев и Шихаб Китабче считают, что причиной упадка государственной системы Булгарского государства стало политическое противостояние трех мировых держав на евразийском континенте за установление контроля и влияния торговых путей, которые пролегли через территорию Великой Степи. Ее территория включала в себя южные районы Восточной Европы от Северного Причерноморья до Кавказа, Донские и Днепровские степи, Поволжье, Южный Урал, Южную Сибирь, Среднюю Азию, Восточный Туркестан и Монголию. Основной маршрут международных торговых путей пролегал именно через Великую Степь, соединяя три центра мировой цивилизации — Китай, страны Ближнего Востока и Западную Европу. Товарооборот с Востока на Запад был массовым и преобладающим. Трансконтинентальный торговый путь пролегал по Северному ее маршруту, то есть через историческую родину татар, обгибая Каспийское море с севера и пересекая Волгу. Путь этот шел из Каспия через Джунгарские ворота и через Среднюю Азию на Волгу. Потом торговый путь разветвлялся — одна ветка уходила в Булгарское государство и на Русь, другая — вниз по Волге и по Каспию на Кавказ и Ближний Восток. По южному маршруту шелкового пути товары из восточной части континента попадали в страны Ближнего Востока, а оттуда уже с большими наценками в Западную и Восточную Европу. Однако южный маршрут не пользовался популярностью у купцов из-за тяжелых климатических и организационных условий. Северный путь пролегал через ровную степь, где был умеренный климат и к концу дня караван-сарай останавливался

для отдыха. Поэтому торговцы предпочитали пользоваться именно этим путем.

Таким образом, те страны, через территории которых проходил этот путь, имели огромное преимущество. Государство устанавливало выгодную пошлину, купцы могли выкупать и перепродавать товар, жители городов и селений, через которые проходили торговые пути, могли заниматься организацией отдыха путников. Перечисленные экономические преимущества имели веские причины для взаимных конфликтов между мировыми западными и восточными державами. Интересы ближневосточных государств лежали на блокировании северного пути или популяризации южного. У знати и купцов Ближнего Востока получилось установить контроль над Средней Азией. Запад в свою очередь также пытался установить полный контроль на всем протяжении торгового пути, в результате чего увеличивал свое воздействие на восточные страны вооруженными, идеологическими методами.

Литература

1. Еникеев Г.Р., Шихаб Китабче. Наследие татар. М.: Алгоритм, 2012.
2. Историко-философский ежегодник. Российская академия наук. Институт философии. М.: Изд-во «Наука», 2008.
3. Марджани Ш. Мустафа ал-ахбар. Т. 1. Казань, 1885.
4. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
5. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877.
6. Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России: сб. статей / под. ред. А.Б. Юнусовой и А.В. Малашенко. М.: Моск. центр Карнеги. М., 1998.
7. Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981.

¹⁰ Там же. С. 69.

Структура предмета механизма уголовно-правового регулирования

*Козубенко Юрий Вячеславович,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук, доцент
yuri.kozubenko@usla.ru*

В статье дается анализ общественным отношениям, попадающим в сферу уголовно-правового регулирования, в межотраслевом аспекте. Выдвигается мнение о сопряжении различных систем права, находящее свое отражение в структуре уголовного правоприменительного комплекса.

Ключевые слова: предмет регулирования, метод регулирования, механизм уголовно-правового регулирования, взаимосвязь материального и процессуального уголовного права, преступление, уголовное преследование, уголовная ответственность, уголовно-правовой комплекс, ядро предмета регулирования, межотраслевая юридическая конструкция.

Structure of the Subject of the Criminal Law Regulation Mechanism

*Kozubenko Yuriy V.,
Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Ural State Law University "UrSLU",
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article boils down to the analysis of social relations in criminal legal regulation in inter-branch aspect. It is suggested to be the conjugation of different systems of law in criminal law enforcement structure.

Key words: subject of legal regulation, method of legal regulation, criminal legal regulation mechanism, interconnection of substantive and procedural criminal law, crime, criminal prosecution, criminal liability, criminal legal complex, core of legal regulation subject, inter-branch legal construction.

По общему правилу от характера, вида общественных отношений, составляющих предмет регулирования как материального, так и процессуального уголовного права, зависит степень обязательности правовых предписаний, формы и методы государственного принуждения, степень детализированности предписаний, напряженность правового воздействия на общественные отношения¹. Вместе с тем существующая взаимосвязь и взаимозависимость уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений накладывает свой отпечаток на ту среду, в которой функционирует механизм уголовно-правового регулирования, в общей теории именуемой его предметом².

Суть его заключается в том, что характеристика уголовно-процессуальных отношений неразрывно связана с характеристикой уголовно-правовых отношений. Подоб-

ное соотношение между ними определяется главным образом некоторыми особенностями норм материального уголовного права, которые для своего применения нуждаются в процессуальных нормах. Довольно оригинально высказался по этому поводу профессор А.Д. Прошляков: «Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право — это тело, душа и воля. Тело без души мертво, душа без тела — призрак, а отсутствие воли может привести живой организм к параличу»³.

Вместе с тем как материальное, так и процессуальное уголовное право имеют свой собственный предмет — общественные отношения, однако не те, которые порождают отношения, требующие правового регулирования, а те, которые подвергаются такому регулированию. Иными словами, правоотношение и отношение, которое непосредственно регулируется нормами права и принадлежит к числу реальных, представляют

¹ См.: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 214–215.

² См.: Алексеев С.С. Право: азбука — теория-филология: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 376–379.

³ Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. С. 22.

собой различные явления⁴, и одно и то же реальное общественное отношение может регулироваться различными отраслями права. В этом контексте правоотношение выступает средством правового регулирования⁵.

Применительно к рассматриваемой межотраслевой конструкции механизма уголовно-правового регулирования актуально, что материальное уголовное право регулирует те общественные отношения, которые существовали до совершения преступления — юридический факт, а также те общественные отношения, которые возникли после совершения преступления — юридической конструкции.

Сформулированные леммы предопределяют решение вопроса о моменте возникновения и прекращения основного уголовно-процессуального и основного уголовно-правового отношений.

Разрешим его на конкретном примере.

Возьмем широко распространенную формулу о возникновении уголовной ответственности как правоотношения в момент совершения преступления⁶. Сторонники этой точки зрения ссылаются на то, что совершение общественно опасного дея-

ния есть юридический факт, являющийся основанием возникновения уголовно-правового отношения, что общественно опасное деяние морально оценивается лицом, совершившим его, осознается им как нарушение правовой нормы, и что лицо испытывает отрицательную оценку своего поведения, выраженную в правовой норме⁷.

Однако необходимо иметь в виду, что в момент совершения преступления-факта возникает не уголовная ответственность, а обязанность ее понести (на стороне лица, совершившего преступление) и право ее возложить (на стороне государства в лице его правоприменительных органов). Эта обязанность, абстрактная по своей природе, создает возможность действительной уголовной ответственности, но не саму ответственность, которая всегда персонафицирована.

Для того чтобы возможная ответственность (уголовно-правовое отношение) стала действительной ответственностью, необходима воплощенная в процессуальную форму деятельность государственных органов, уполномоченных принимать меры по изоляции преступника и установлению события преступления (ст. 21 УПК РФ). Любые процессуальные действия, производимые в ходе досудебного производства: возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения и так далее, — все они есть средство защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но никак не реализация уголовной ответственности. Вот почему, например, лицо считается не отбывавшим наказание в виде лишения свободы даже в том случае, если оно ранее осуждалось к лишению свободы в пределах срока нахождения его под стражей в качестве меры пресечения⁸.

⁴ Пожалуй, одними из первых такую точку зрения высказали Ю.К. Толстой и Н.А. Беляев (см.: Беляев Н.А. Предмет советского исправительно-трудового права. А., 1960. С. 18–19; Толстой Ю.К. К теории правоотношений. А., 1959. С. 70). Также она встречается у Г.П. Новоселова (Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: Методологические аспекты. М., 2001).

⁵ Интересной позиции придерживается А.А. Васильченко, который в механизме уголовно-правового регулирования объективно существующие связи между адресатами норм уголовного права, выраженные в одном лишь обладании ими, установленными действующим уголовным законодательством, взаимно корреспондирующими субъективными правами и юридическими обязанностями (уголовно-правовым статусом), определяет как уголовные правоотношения — средства регулирования, а общественные отношения, подвергшиеся воздействию механизма уголовно-правового регулирования, именуется уголовными правоотношениями — результатом регулирования (Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2005. С. 5).

⁶ Козаченко И.Я. Уголовная ответственность // Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1999. С. 72. Подобной позиции придерживаются В.И. Курьяндский, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, А.А. Ременсон, В.М. Коган, А.В. Наумов.

⁷ К слову сказать, сторонники иной точки зрения (уголовная ответственность наступает в момент вступления обвинительного приговора суда в законную силу) при обосновании своей позиции также выделяют объективное (совершение общественно опасного деяния) и субъективное (негативное отношение правонарушителя к запрету его совершения, т.е. вина) основания уголовной ответственности (См., например: Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2000. № 6).

⁸ См.: подп. «ж» п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2001 г. №14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 1.

В рассматриваемом случае преступление как юридический факт порождает, с одной стороны, основное уголовно-процессуальное отношение⁹, а, с другой, — абстрактную обязанность виновного отвечать. Но только новый юридический факт (обвинительный приговор суда) превращает потенциальное уголовно-правовое отношение в действительное, поскольку именно в приговоре прописывается преступление как юридическая конструкция¹⁰. Сказанное позволяет утверждать, что уголовный процесс является по своему содержанию принудительной формой реализации материальных уголовно-правовых отношений¹¹.

Вместе с тем при качественной однородности, то есть действительном совпадении одной из групп фактических отношений в предметах регулирования процессуального и материального уголовного права, автору этих строк (не без помощи своих коллег¹²) пришлось в свое время выделить различные аспекты этих общественных отношений при описании структуры предмета регулирования уголовно-процессуального права, введя понятие основных, или системообразующих (наряду с производными и сопутствующими), отношений. В итоге эти отношения образовали «ядро» предмета регулирования уголовно-процессуального права¹³.

Кроме того, сделанный вывод позволил по-иному выстроить систему процес-

суальных функций¹⁴ и обосновать их существование в уголовном судопроизводстве в соответствии с группами выделенных общественных отношений в структуре предмета регулирования уголовно-процессуального права.

Во-вторых, был сделан вывод о том, что содержание метода регулирования уголовно-процессуального права в значительной мере предопределяется природой, характером регулируемых общественных отношений (предметом регулирования уголовно-процессуального права).

Так, группе основных (системообразующих) отношений, выступающих «ядром» предмета регулирования уголовно-процессуального права, присуще *императивное* регулирование, построенное на субординации целей и интересов участников общественного отношения. А *диспозитивное* (его еще называют дискреционным, от англ. слова «discretion») регулирование характерно для второй и третьей групп общественных отношений предмета регулирования уголовно-процессуального права. Так, был сделан взаимосвязанный вывод о том, что оба указанных приема правового регулирования образуют собственный уголовно-процессуальный метод, являющийся первичными и даже *магистральными*¹⁵.

В-третьих, несмотря на то, что уголовно-процессуальное право находится в генетической и функциональной зависимости от материального уголовного права, в итоге получилось, что оно все же образует необходимую, обязательную часть основы правовой системы, а свойственный ей *юридический режим* является самобытным, а по отношению к ряду других отраслей права (например, к уголовно-исполнительному праву) *первичным*.

Все вышесказанное позволило заключить, что уголовно-процессуальное право (наряду с уголовным) — это фундаментальная отрасль права.

Вместе с тем отслеженная взаимосвязь строится на едином (или основном) реальном общественном отношении, в праве имеющем как материальное, так и процессуальное отражение, а субъекты (участники) этого отношения в той или иной системе права не

⁹ Об основных уголовно-процессуальных отношениях см.: Козубенко Ю.В. Уголовно-процессуальные отношения // Уголовный процесс / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М., 2011. С. 36–46.

¹⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 345. Такой же точки зрения придерживается А.Ф. Черданцев. Согласно его мнению, юридическая ответственность имеет три основания: **норма права**, предусматривающая ответственность за определенный вид деяний (нормативная основа); **правонарушение** как юридический факт (фактическое основание); **правоприменительный акт**, с помощью которого мера ответственности конкретизируется, индивидуализируется (например, приговор суда) (См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2003. С. 282).

¹¹ Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 202.

¹² Милицин С.Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Свердловск, 1991.

¹³ См.: Милицин С.Д., Козубенко Ю.В. Структура предмета регулирования уголовно-процессуального права // Уголовный процесс / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 14–17.

¹⁴ См.: Козубенко Ю.В. Процессуальные функции в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М., 2011. С. 79–83.

¹⁵ См.: Система советского законодательства / под ред. И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1980. С. 45.

обязательно являются идентичными, потому что всегда имеется в виду их природа и объем их правомочий. Общее у этих субъектов одно — все они подпадают в сферу правового регулирования в результате взаимодействия нескольких систем права, которые в конечном итоге, формируют правовой статус субъекта, имеющий правоустанавливающий и правоприменительный аспекты¹⁶.

Эти два аспекта статуса личности позволяют показать некоторые свойства отдельных предметов регулирования в результате взаимодействия субъектов различных систем права как одного из существенных факторов межотраслевого толкования предмета механизма уголовно-правового регулирования.

В соответствии с вышесказанным, поспею утверждать о существовании на межотраслевом уровне *совмещенного* для различных систем права предмета регулирования, обозначив его как предмет механизма уголовно-правового регулирования.

Нормативная основа данного предмета отнюдь не ограничивается отраслями материального и процессуального уголовного права, хотя частично и основывается на их взаимосвязи. В частности, на необходимость непосредственного применения норм права иностранных государств при регулировании реальных общественных отношений, в том числе и в уголовно-правовой сфере, также подсказывает и национальный законодатель (например, в п. 3 ст. 1256 ГК РФ при установлении процессуального статуса потерпевшего по уголовному делу о нарушении авторских прав).

Таким образом, нормативная основа такой межотраслевой юридической конструк-

ции как механизм уголовно-правового регулирования обогащается не только нормами материального и процессуального национального уголовного права, но и нормами права иностранных государств и международного права, входящих в структуру единого уголовного правоприменительного комплекса¹⁷, обеспечивающего их согласованное применение.

Кроме того, учитывая, что вышеприведенная сопряженность систем права достаточно динамична, на первый план выходит и метод регулирования (его роль и значение уже явно не сводится исключительно к функции разграничения задействованных отраслей права в предмете механизма). Метод не только предопределяет уголовную политику государства, повышает значимость уголовно-правового регулирования, но и определяет императивный характер механизма. При этом метод регулирования рассматривается не с позиций отдельно взятой отрасли, а — в надотраслевом аспекте. Разница заключается в том, что при рассмотрении метода регулирования конкретной отрасли права как набора средств и приемов регулирования, как, например, в материальном уголовном праве¹⁸, в надотраслевом уровне неизбежно вскрываются «нотки» императивного (и усечено диспозитивного) регулирования. Как известно, это является общим как для материального, так и процессуального уголовного права.

Таким образом, предмет механизма уголовно-правового регулирования обуславливает и позволяет не только показать необходимый срез общественных отношений, подпадающих под его воздействие в рам-

¹⁶ Несколько иначе, в целом разделяя данную точку зрения, высказывается А.А. Васильченко: «Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения — средства регулирования входят в единый механизм уголовно-правового регулирования, занимая в нем промежуточное звено между нормами уголовного и уголовно-процессуального права и актами их реализации. Роль данных правоотношений заключается в том, что они при наличии предусмотренных названными нормами конкретных жизненных обстоятельств (юридических фактов) позволяют через императивный метод регулирования перевести абстрактные возможности и необходимость в плоскость конкретных, адресных субъективных прав и юридических обязанностей индивидуально определенных субъектов» (Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2005. С. 6).

¹⁷ По свидетельству профессора Г.В. Игнатенко, впервые суждение о правоприменительных комплексах прозвучало на научном симпозиуме, состоявшемся в апреле 1984 года на заседании Ученого совета Института государства и права Академии наук СССР совместно с представителями Свердловского юридического института (См.: Игнатенко Г.В., Игнатенко А.В. Избранное. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. С. 153–154). О структуре уголовного правоприменительного комплекса речь пойдет в следующих главах настоящей работы.

¹⁸ См.: Альференко А.В. Метод регулирования в уголовном праве: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 11–12, 19. Отметим, что даже при характеристике приемов уголовно-правового регулирования, у А.В. Альференко невольно прослеживается взаимосвязь материального уголовного права с процессуальным, ведь привлечение к уголовной ответственности — это не что иное, как уголовное преследование!

ках уголовно-правового пространства, и спрогнозировать черты и свойства отраслевых юридических конструкций, но и доказать, продемонстрировать существование ранее неизвестных конструкций и невидимых аспектов уголовно-правового регулирования.

Литература

1. Алексеев С.С. Право: азбука — теория-философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 376–379.
2. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 214–215.
3. Алексеев В.И. Надзор и охрана арестантов в механизме правового регулирования (1879–1917 гг.) // История государства и права. 2013. № 24.
4. Альференко А.В. Метод регулирования в уголовном праве: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 11–12, 19.
5. Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2005. С. 5.
6. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982.
7. Игнатенко Г.В., Игнатенко А.В. Избранное. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. С. 153–154.
8. Козаченко И.Я. Уголовная ответственность // Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1999. С.72.
9. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 18.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 345.
11. Милицин С.Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Свердловск, 1991.
12. Милицин С.Д., Козубенко Ю.В. Структура предмета регулирования уголовно-процессуального права // Уголовный процесс / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 14–17.
13. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 202.
14. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: Методологические аспекты. М., 2001.
15. Погодин А.В. Право, правореализация и нравственность // История государства и права. 2013. № 21.
16. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997.
17. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. 4-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. С. 41.
18. Система советского законодательства / под ред. И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит., 1980. С. 45.
19. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 29–30.
20. Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Френсиса Г. Пауэрса. М.: Госполитиздат, 1960.
21. Ткачевский Ю.М. Понятие уголовной ответственности, ее суть и цели // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2000. № 6.
22. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2003. С. 282.

Эволюция отечественной денежной системы в имперский период истории

*Кучеров Илья Ильич,
заместитель директора Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
prof.kucheroff@mail.ru*

В статье анализируется этап развития отечественной денежной системы от Петра I до Первой мировой войны. Автор отмечает, что в конце XIX — начале XX века стараниями отечественных финансистов авторитет валюты Российской империи на международном рынке настолько укрепился, что российский рубль без ограничений стал приниматься к оплате и обмениваться на другие валюты во многих государствах Европы и мира.

Ключевые слова: валюта, рубль, денежное обращение, реформа, чеканка монет, бумажные деньги.

Evolution of Domestic Monetary System in the Empire Period of History

*Kuchеров Илья И.,
Deputy Director of the Institute
of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation*

The article analyzes the stage of domestic monetary system development from Peter I to the First World War. The author highlights that in the end of XIX — the beginning of XX century, owing to efforts of domestic financiers, the authority of the Russian Empire currency at the international market gained ground to the extent that the Russian ruble, without limitation, became accepted for payment and exchanged to other currencies in many states of Europe and the world.

Key words: *currency, ruble, monetary circulation, reform, coinage, paper money.*

Первый этап рассматриваемого периода в развитии отечественной денежной системы связывается с именем царя Петра I и его финансовыми преобразованиями. Этот временной отрезок хотя и приходится на то время, когда глава российского государства еще не являлся императором, тем не менее завершается много лет спустя, поэтому будет рассмотрен нами применительно к имперскому периоду нашей истории. Начало XVIII века, как пишет В.В. Уздеников, было ознаменовано коренной ломкой архаичного денежного хозяйства, сложившегося в России в предшествующую эпоху¹. Денежная реформа фактически начата Петром I в 1698 году, продлилась около двух десятилетий и относится к числу первых его улучшений. В целом содержание и конечная ее цель, как замечает А.С. Мельникова, в сущности проявляют сходство с предыдущей реформой, поскольку обе они сводились к переводу русского денежного дела на общеевропейские стандарты, а также замене дорогостоящего серебра более дешевым сырьем посредством использования низкопробного металла и меди при изготовлении монет. Однако темпы и непосредственные методы проведения указанных денежных реформ существенно разнятся².

Для покрытия расходов, связанных с осуществлением многочисленных преобразований, а также содержанием армии и флота, государственной казне требовались громадные суммы денежных средств. Как писал сам Петр I к Сенату: «Деньги суть артериею войны»³. Однако ввиду неразвитости подат-

ной системы и иных финансовых институтов монетная регалия в этот период становится одним из главных источников пополнения государственной казны. Данное обстоятельство вынуждает власти всемерно усиливать эксплуатацию монетного дела, в том числе посредством снижения веса и чистоты используемого металла. Так, начало реформы связывается с выпуском в обращение серебряной копейки, вес которой по сравнению с аналогичной монетой старой чеканки отличался в меньшую сторону почти в половину. Эта новая весовая норма фактически позволила приравнять рубль к серебряному талеру, поскольку на стандартный вес последнего в 1728 г. приходилось сто новых русских монеток. Одновременно осуществлялся передел в новые денежные знаки старых русских серебряных монет, изымавшихся из обращения по принудительному курсу, а также перечеканка талеров. Спустя два года начал умеренный выпуск в обращение медных денежек и полушек, которые призывались выполнять функции разменных монет по отношению к серебряным денежным знакам. Еще через год изготовлены первые золотые монеты⁴. Наконец, денежная система была построена на основе десятичного счета, в соответствии с которой рубль составлялся из ста копеек. Все прочие номиналы становятся производными от рубля или копейки. При этом имевшие место ранее сугубо счетные денежные единицы, такие как гривеник, полтина и рубль, впервые получили воплощение в соответствующих монетах.

Второй этап денежной реформы пришелся на 1711–1717 гг. и был отмечен существенным понижением (с 875-й до 729-й и ниже) пробы серебряных монет. Одновре-

¹ См.: Уздеников В.В. Монеты России. 1700–1917. Изд. 4-е. М., 2011. С. 10.

² См.: Мельникова А.С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005. С. 314.

³ Цит. по: Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882. С. 603.

⁴ См.: Коломиец А.Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. М., 2001. С. 98–100.

менно продолжен процесс снижения веса медных денег, т.е. истончение монет при сохранении их номинала⁵. Подобные действия, расцениваемые современниками как «порча монеты», позволяли многократно увеличивать доходы казны, однако не способствовали установлению доверия населения к новым денежным знакам, поскольку неизменно приводили к утрате их покупательной способности.

Дальнейший ход денежной реформы следует признать еще менее удачным. Завершающий ее этап берет начало в 1718 году и сопровождается очередным значительным снижением веса медной монеты. Так, из пуда меди вместо 20 рублей стала чеканиться стопа из мелкой разменной монеты в 40 рублей. По прошествии пяти лет в исключительно больших объемах начат выпуск низкокачественных медных пятаков. Все это привело к чрезмерному наплыву в обращении медных монет, имеющих постоянно снижающуюся покупательную способность. Положение дел усугублялось тем, что проба мелких серебряных монет и рублей к этому времени также была существенно понижена. Издержки денежного обращения приводили к широкому распространению фальшивомонетничества⁶.

Тем не менее создание в результате реформы десятичной монетной системы следует рассматривать в качестве основного вклада России в мировое денежное дело и метрологию, поскольку в других странах на тот момент подобных систем не было. В денежном деле Западной Европы и Америки господствовала система талера (далера, доллара, кроны, скудо и т.д.) — крупной серебряной монеты, занимающей ведущее положение в системе биметаллического денежного обращения и в мировой торговле. По мнению И.Г. Спасского, «...серебряный талер был «вершиной» более или менее сложных серий разменных медных, низкопробных и полноценных серебряных монет. <...>В более упорядоченных системах наиболее стройной «классической» формой отношения было двенадцатикратное: талер делился на трети, шестые, двенадцатые, двадцатичетвертые и так далее, вплоть до трехсотшестидесяти частей,

что также очень усложняло денежный счет»⁷.

Значительные изменения в первой трети XVIII века привнесены в технологию и управление монетным делом. На смену ручной чеканке монет, являющейся ранее основой русского монетного дела, пришло машинное производство. При непосредственном участии самого царя изучен опыт чеканки монетного двора Англии, осуществлено переоборудование российских монетных дворов на основе новейших технологий того времени. Из западноевропейских стран осуществлен завоз плющильных и гуртильных машин, станков для механического вырубания металлических заготовок — монетных кружков и собственно для чеканки монеты. Монетное дело с технологической точки зрения становится одной из самых передовых отраслей российской промышленности⁸. В 1719 году ведение монетной чеканкой передано Камер-коллегии, а спустя год — Берг- и Мануфактур-коллегии. Однако в 1727 году, уже в бытность Екатерины I, монетные дворы подчинены учрежденной Монетной конторе. Спустя же еще семь лет это учреждение переименовано в Монетную канцелярию и передано в ведение Главного управления монетным делом⁹.

В этот период крупные высокопробные монеты из серебра и золот, а выделанные в Российской империи, в целом обеспечивали функционирование денежной системы. Однако огромное количество ранее вброшенных в обращение низкокачественных медных пятаков и их подделок, изготовленных фальшивомонетчиками, оказывали существенное дестабилизирующее воздействие. Необходимые изменения в денежной системе подготовлены и произведены при императрице Елизавете Петровне в период с 1754 по 1756 гг. По ее указу из обращения полностью были изъяты пятаки старого образца (в том числе посредством выкупа у населения по курсу 2 копейки нового образца за пятак), которые перечеканивались в высококачественную мелкую разменную монету — грошовики из расчета по 8 рублей

⁵ См.: Белоусов В.Д., Бирюков В.А., Каширин В.В., Нестеров А.А. Российские денежные реформы: монография / под ред. В.В. Каширина. М., 2014. С. 71.

⁶ См.: Коломиец А.Г. Указ. соч. С. 128–129.

⁷ См.: Спасский И.Г. Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. 1962. С. 23–25.

⁸ См.: Разманова Н.А. Финансовая политика Российской империи (XVIII — первая половина XIX века): курс лекций. М., 2008. С. 48–49.

⁹ См.: Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. Изд. 2-е. М., 2012. С. 206–207.

с пуда меди. Одновременно начата чеканка новых золотых монет — империалов номиналом в 10 рублей и полуимпериалов в 5 рублей¹⁰. В результате имевшие ранее место диспропорции в соотношении объема, веса и номиналов медных, серебряных и золотых монет в значительной степени устранены.

Важным моментом в процессе эволюции отечественной денежной системы является введение в обращение бумажных денег. Ведь в отличие от металлических монет их покупательная способность так или иначе зависела от веса и пробы металла, из которого они были изготовлены, бумажные деньги в этом смысле ценности не представляли, поскольку стоимость самой бумаги была относительно невелика. Первые бумажные деньги — ассигнации — фактически были производны от металлических денег, поскольку государство гарантировало их свободный обмен на «звонкую монету». Этим, кстати, в значительной степени и обеспечивалась платежная способность таких денег, поскольку их держатели были твердо уверены в том, что в любое время сумеют реализовать свое право на получение взамен их определенного количества металлических монет. Бумажные денежные знаки В.А. Лебедев рассматривал как «представительниц металла». По его мнению, «эти последние — не самостоятельные деньги, а просто квитанции на получение золота или серебра; это замена металла ради удобства хранения, пересылки и, наконец, предохранения металла от стирания при постоянном обращении. Удобства бумажных денег перед металлическими в этих отношениях несомненны»¹¹. Подобная производность от металлических денег будет сохраняться у ассигнаций и позднее, фактически будет определять успешность их использования в денежном обращении.

Основной предпосылкой для появления бумажных денежных знаков в Российской империи послужило создание банковской системы, начало которой положено в период правления императора Петра II изданием 16 мая 1729 года Устава вексельного, которым фактически узаконено взимание ссудного процента. Этот нормативный право-

вой акт дал основание для возникновения практики выдачи Монетной конторой денежных ссуд частным лицам под залог золотых и серебряных изделий. Легальность подобной практики в последствии получила подтверждение в Указе императрицы Анны Иоанновны от 8 января 1733 года «О правилах займа денег из Монетной конторы»¹². Постепенно наряду с кредитованием возникает и иное функциональное предназначение банков — эмиссия бумажных денежных знаков. В период правления императрицы Екатерины II в 1768 году учреждены два «ассигнационных» банка — в Петербурге и Москве — для выпуска «ассигнаций» с целью «облегчить хождение медных денег». В этих целях осуществлен выпуск бумажных денег — так называемых «медных банкнот»¹³. Именным указом Сенату было предусмотрено введение с 1 января 1769 года в денежное обращение бумажных денежных знаков — государственных ассигнаций, которые приравнивались к «ходячим монетам». При этом указывалось, что «Мы, императорским нашим словом, торжественно объявляем за нас и преемников престола нашего, что по тем государственным ассигнациям всегда исправная и верная последует выдача денег требующим оную из банка»¹⁴. Выпущенные ассигнации действительно без ограничений принимались к размену, и любой их держатель мог во всякое время по их предъявлении в банк получить соответствующие эквивалент серебром в слитках или монетой из любого металла, что предопределило успех их использования. В 1812 году ассигнации официально объявлены в качестве основного законного платежного средства вместо серебряного рубля. Однако постепенно, по мере увеличения объема эмиссии ассигнаций и ограничения их размена на монету, возникает различие в покупательной способности металлических и бумажных денег не в пользу последних, что заставляет участников денежного обращения все чаще отдавать предпочтение именно металлической монете.

¹² См. подробнее: Ивонина Е.В. Становление и развитие банковского дела в дореформенной России: основы правового регулирования (1728–1858) // Предпринимательское право. 2009. № 2.

¹³ См.: Сперанский М.М. Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкрин. СПб., 1885. С. 5.

¹⁴ Цит. по: Государственные финансы России: XIX — первая четверть XIX века: учеб. пособие для вузов / под ред. И.В. Караваевой. М., 2003. С. 166.

¹⁰ См.: Разманова Н.А. Указ. соч. С. 56–58.

¹¹ См.: Лебедев В.А. Бумажные деньги: речь, чит. на акте С.-Петерб. ун-та 8 февр. 1889 г. проф. В.А. Лебедевым. СПб., 1889 // Финансовое право: учебник (в серии: Золотые страницы российского финансового права). М., 2000. С. 411.

Организация денежной системы на началах серебряного монометаллизма относится на счет результатов денежной реформы, проведенной министром финансов Е.Ф. Канкриным. Основной ее идеей являлось официальное установление курса ассигнационного рубля по отношению к серебряному рублю. Так, Манифестом от 1 июля 1839 года «Об устройстве денежной системы» главной законной монетной единицей объявлен серебряный рубль, а ассигнационный рубль признан второстепенным денежным знаком. Соотношение серебра и ассигнаций составляло пропорцию 1 к 3 ½. В конечном счете это предопределило постепенный переход от ассигнационного денежного обращения к кредитному¹⁵. В этот период в организации денежного обращения стал обозначаться отход от гарантированного государством размена бумажных денежных знаков на металлическую монету.

Официально объявленный в 1843 году отказ от ассигнаций следует рассматривать в качестве очередного шага в развитии денежной системы. Это нововведение было обусловлено в том числе все возрастающей потребностью государства в эмиссии бумажных денег, которые уже не могли получить полного покрытия монетой ввиду отсутствия в казне металлов в требуемом объеме. Результатом чего явилось введение государством в обращение так называемых «неразменных» бумажных денег — кредитных билетов, которые постепенно утратили твердую привязку к определенному объему золота или серебра. В отношении таких денег В.А. Лебедев писал, что они «сохраняют свою полноценность только до тех пор, пока это не противоречит интересам рынка. <...> Они обладают правами металлических денег, не имея их существа<...> Идеал будущего — полное устранение звонкой монеты из оборота и господство условных бумажных ценностей. И это вполне естественно: в существовании металлических денег и увеличении их количества государство зависит от случайности — существования металла и количества его добычи. Посредством бумажных ценностей государство создает себе необходимый фактор мены в потребном количестве, не отнимая у промышленности материала, представляемого благородными металлами»¹⁶.

¹⁵ См.: Семенкова Т.Г., Семенков А.В. Денежные реформы России в XIX веке. СПб., 1992. С. 58.

¹⁶ См.: Лебедев В.А. Указ. соч. С. 411–416.

Покупательная способность новых бумажных денежных знаков стала еще в большей степени условной, поскольку определялась лишь их номиналом и обеспечивалась тем, что такие деньги официально объявлялись законным платежным средством, обязательным к приему всеми. В соответствии с положениями законодательства того времени бумажные деньги были объявлены обязательными к приему как в казну, так и в уплату частных обязательств, что в конечном счете предопределило признание их в качестве полноценных денег¹⁷. В этой связи также отмечалось, что «...бумажные деньги представляют собой бумажные денежные знаки, которые сообразно имеющейся на них надписи, заступают место звонкой монеты, но не размениваются на нее. Ценность бумажных денег определяется их надписью, т.е. им придается принудительный курс, и в то же время они являются законным платежным средством. Никто по закону не вправе отказаться от приема бумажных денег и требовать уплаты другими денежными знаками. <...> обязательность приема в качестве законного платежного средства не только между частными лицами, но и в уплату налогов, пошлин и других государственных и общественных повинностей — обеспечивает уверенность населения в свободном и повсеместном обращении этих денег»¹⁸.

В 1856 году размен кредитных билетов на золото и серебро прекращен полностью. Это обстоятельство породило серьезный кризис в денежной сфере, который продолжался около трех десятилетий и сопровождался существенным обесцениванием кредитных билетов. Власти предпринимали определенные усилия по стабилизации денежного обращения. Так, имели место временный возврат к размену кредитных билетов на монету и даже уничтожение отдельных выпусков кредитных билетов, правда, в сравнительно небольших объемах. Однако эти меры к кардинальному улучшению дел в денежном обращении так и не привели.

В 1860 году в ведении Министра финансов учрежден Государственный банк, сочетающий в себе одновременно коммерческую деятельность и функцию эмиссионного центра. Именно это государственное кредитное

¹⁷ См.: Цитович П. Деньги в области гражданского права. Харьков, 1873. С. 48.

¹⁸ См.: Вите С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 годах / предисл. М.П. Афанасьева. М., 2011. С. 349–350.

учреждение было призвано поспособствовать упорядочению денежного обращения Российской империи. Однако первые мероприятия Министерства финансов и Государственного банка по организации денежного обращения в русле проводимой ими кредитно-денежной политики тем не менее окажутся недостаточно эффективными. Так, согласно Указу от 1 января 1881 года в целях сокращения количества находящихся в обращении бумажных денег в кассах Государственного банка стали аккумулироваться огромные объемы бумажных денежных знаков, которые затем уничтожались. Однако вопреки ожиданиям подобная практика привела не к стабилизации денежного обращения, а — к дефляции, которая в свою очередь усилила падение цен на товарном рынке и вызвала сокращение промышленного производства.

В рассматриваемый период в мире большинство денежных систем, в части монетной их составляющей, все еще основывалось на принципах биметаллизма. Недостатком таких систем являлось систематическое изменение стоимости металлов — серебра и золота, составляющих их материальную основу. Факт создания в 1865 году Латинского монетного союза имел своим последствием стремительное увеличение интереса именно к золоту как монетарному металлу. Спустя два года на монетарной конференции в Париже ее участники, представлявшие девятнадцать европейских стран и США, поддержали идею золотого стандарта, определяющую золото в качестве основной формы мировых денег¹⁹. Наконец, в конце третьей четверти XIX века рядом государств западной Европы осуществлен переход к золотому монометаллизму. В США Закон о золотом стандарте принят лишь в 1900 году, в соответствии с его положениями в качестве узаконенного платежного средства определялось исключительно золото. Серебро же стало использоваться только для чеканки мелких легковесных монет²⁰. Данный подход, безусловно, повышал устойчивость национальных валют, однако сопровождался существенными изменениями в рыночной конъюнктуре и неоднозначно восприни-

мался специалистами. Как отмечается в одном из ретроспективных анализов этого вопроса, «лишение серебра, т.е. половины всех мировых денег, расплатной силы страшно увеличило требование на золото и тем самым вызвало непомерное его вздорожание. В то же время серебро, потерявшее прежнее валютное свое значение, стало быстро обесцениваться. Удорожание золота, или, иначе говоря, валюты, отразилось падением цен на все товары и главным образом на хлеб. <...> Отсюда ясно, что удорожание денег оказалось выгодным для одних лишь капиталистов, под давлением коих государства и переходили к золотой валюте, производительные же земледельческие классы стремились всеми способами освободиться от золотого кошмара»²¹.

К слову, в России в рамках очередной денежной реформы, проведенной министром финансов С.Ю. Витте, в 1895–1897 гг. фактически осуществлен переход денежной системы Российской империи на золотомонетный стандарт. Данная реформа носила кардинальный характер и была нацелена на ликвидацию инфляционного бумажноденежного обращения, установление твердого курса рубля и введение в широкий оборот золотых денежных знаков. Как писал сам идеолог этой реформы: «Отказавшись от мысли поднять ценность рубля путем уменьшения количества денежных знаков в обращении, правительство все усилия свои направило затем к укреплению курса рубля и к накоплению металлического фонда. Посредством покупок золота за границей и отчислений от государственных средств наш металлический фонд <...> увеличен за десятилетие почти в три раза. С целью упрочения курса рубля предпринят был ряд мер, направленных к ограничению спекулятивных сделок с рублем и к непосредственному воздействию на его курс путем покупки и продажи тратт. Меры эти дали вполне благоприятный результат, и колебания курса постепенно уменьшились»²². Одновременно Государственному банку вменено осуществление от своего имени эмиссии кредитных билетов, которые официально вводились в обращение в качестве законных платежных средств.

Наличие внушительного золотого запаса и составило материальную основу для золотомонетной денежной системы. Кроме того, учреждениям Государственного банка

¹⁹ См.: Бугров А.В. Золотой стандарт в России: выбор пути (1867–1897) // Деньги и кредит. 2015. № 1. С. 59.

²⁰ См.: Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны / пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. А.В. Куряева. Челябинск, 2009. С. 207.

²¹ См.: Денежное обращение / сост. Д.И. Никифоров. СПб., 1903. С. 5.

²² См.: Витте С.Ю. Указ. соч. С. 369.

было предоставлено право покупать и продавать золотую монету, а также принимать ее во вклады по курсу, который устанавливался Министерством финансов по девальвируемому при фиксированном курсе империалу и полуимпериалу. В рамках реформы осуществлен выпуск в обращение, в дополнение к империалам и полуимпериалам, пятирублевой золотой монеты достоинством в одну треть часть империала, а затем — новой золотой монеты десятирублевого достоинства. Указом от 14 ноября 1897 года в качестве основы денежной системы Российской империи определен золотой рубль. Кроме того, установлен неограниченный обмен кредитных билетов на золото, а кредитным билетам присвоена сила законного платежного средства наравне с золотой монетой. Официально закреплен курс размена кредитных билетов на золото, исходя из соотношения 1,5 к 1. Серебряным монетам впредь отводилась роль вспомогательных средств денежного обращения. Все это фактически указывало на решительный переход страны к системе золотого монометаллизма²³.

Отдельного внимания заслуживает состояние правового регулирования того времени в интересующей нас сфере. В этой связи особо обращает на себя внимание Устав монетный (в редакции 1899 года)²⁴, изданием которого в Российской империи завершено юридическое оформление денежной реформы. В ст. 1 этого законодательного акта, в частности, определялось, что «право чеканить монету, выпускать ее в обращение и переделывать принадлежит к числу прав государственных». В соответствии с другими положениями Министерства финансов вошло в обязанность «принятие мер, необходимых для содержания монетной системы в непоколебимой твердости, и сохранения к ней общего доверия». Имелось также положение, в соответствии с которым российская монетная система основана на золоте. В качестве государственной российской монетной единицы определен рубль, содержащий семнадцать целых и четыреста двадцать четыре тысячных долей чистого золота. Рубль разделялся на сто копеек. Тем самым получило законодательное закрепление соотношение денежных единиц. Наряду с золотыми допускаясь также изготовление серебряных

и медных монет. Примечательно, что золотые монеты могли чеканиться как из золота, принадлежащего казне, так и из золота, представляемого частными лицами. При этом последним нельзя было отказать в приеме золота для изготовления монет, если «количество представленного ими чистого металла не менее одной четверти фунта». Предусматривалась чеканка золотых монет номиналами в пятнадцать, десять и в семь с половиной рублей. Золотая монета должна была содержать в себе девятьсот частей чистого золота и сто частей меди. В лигатурном фунте такого золота должно было заключаться четыреста семьдесят шесть рублей три копейки и тридцать семь сто двадцать первых копейки. Серебряные же и медные монеты чеканились исключительно из казенного металла. Соответственно частные держатели серебра и меди от чеканки монет были отлучены. С точки зрения организации денежной системы, важной является правовая норма о том, что «внешний вид каждого рода монеты предъясвляется утвержденным Высочайшею властью подробным описанием, которое объявляется Правительствующим Сенатом во всеобщее сведение». Также обращает на себя внимание положение о том, что «все исчисления сборов, поступлений, выдач, платежей и всяких сумм в денежных счетах, актах и всех вообще сделках производится на рубль». Полновесная золотая монета определялась обязательной к приему во всех платежах на неограниченную сумму. Приведенное выше практически дословно содержание соответствующих правовых норм дает достаточно полное представление об основных элементах монетной части денежной системы, сложившейся в результате денежной реформы.

В результате проведенных преобразований в Российской империи возникла новая основанная на золотомонетном стандарте денежная система. Следует согласиться с констатацией того факта, что в конце XIX — начале XX века стараниями отечественных финансистов авторитет валюты Российской империи на международном рынке настолько укрепился, что российский рубль без ограничений стал приниматься к оплате и обмениваться на другие валюты во многих государствах Европы и мира. Устойчивость рубля обеспечила благоприятные условия для привлечения в страну иностранных капиталов, промышленного и торгового роста, развития экономики в целом²⁵. В то время

²³ См.: Ивонина Е.В. Кредитная система в эпоху Великих реформ (1859 г. — начало 1914 г.) // Предпринимательское право. 2010. № 2. С. 41–43.

²⁴ См.: Свод Законов Российской империи. Книга вторая. Т. VII. СПб., 1912.

²⁵ См. подробнее: Воронцова А.А. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России

подобным же образом уже были организованы денежные системы в Англии, Австралии, Дании, Канаде, Норвегии, Португалии и Швеции. Притом, что в целом ряде других государств, например, в Австрии, Бельгии, Германии, Испании, Нидерландах, США, Франции и Швейцарии денежное обращение все еще осуществлялось в условиях биметаллизма²⁶.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что в нашей стране на тот момент удалось создать одну из самых прогрессивных денежных систем, которая, впрочем, в таком виде просуществовала сравнительно непродолжительное время, вплоть до начала Первой мировой войны года, когда в силу чрезвычайных обстоятельств размен кредитных билетов на золото был полностью прекращен, эмиссия бумажных денежных знаков утратила свое материальное обеспечение, а золотые монеты перестали поступать в обращение. Именно с этими изменениями следует связывать фактическое завершение имперского периода в развитии российской денежной системы.

Литература

1. Белоусов В.Д., Бирюков В.А., Каширин В.В., Нестеров А.А. Российские денежные реформы: монография / В.Д. Белоусов, В.А. Бирюков, В.В. Каширин, А.А. Нестеров. М., 2014. С. 71.
2. Брикнер А.Г. История Петра Великого / А.Г. Брикнер. СПб., 1882. С. 603.
3. Бугров А.В. Золотой стандарт в России: выбор пути (1867–1897) / А.В. Бугров // Деньги и кредит. 2015. № 1. С. 59.
4. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах; предисл. М.П. Афанасьева / С.Ю. Витте. М., 2011. С. 349–350.
5. Воронцова А.А. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России на рубеже веков (конец XIX– начало XX в.) / А.А. Воронцова // История государства и права. 2007. № 22. С. 21–22.
6. Государственные финансы России: XIX– первая четверть XIX века : учебное пособие для вузов / под ред. И.В. Караваевой. М., 2003. С. 166.
7. Ивонина Е.В. Кредитная система в эпоху Великих реформ (1859 г. – начало 1914 г.) / Е.В. Ивонина // Предпринимательское право. 2010. № 2. С. 41–43.
8. Ивонина Е.В. Становление и развитие банковского дела в дореформенной России: основы правового регулирования (1728–1858) / Е.В. Ивонина // Предпринимательское право. 2009. № 2. С. 39–44.
9. Коломиец А.Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя / А.Г. Коломиец. М., 2001. С. 98–100.
10. Лебедев В.А. Финансовое право: учебник. Серия: Золотые страницы российского финансового права. Т. 2 / В.А. Лебедев. М.: Статут, 2000. С. 411.
11. Мельникова А.С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков / А.С. Мельникова. М., 2005. С. 314.
12. Никифоров Д.И. Денежное обращение / Д.И. Никифоров. СПб., 1903. С. 5.
13. Пашенцев Д.А. Особенности правового регулирования денежного обращения в Российской империи второй половины XIX– начала XX века / Д.А. Пашенцев // История государства и права. 2008. № 7. С. 13–16.
14. Разманова Н.А. Финансовая политика Российской империи (XVIII– первая половина XIX века): курс лекций / Н.А. Разманова. М., 2008. С. 48–49.
15. Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны / М. Ротбард; пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. А.В. Куряева. Челябинск, 2009. С. 207.
16. Семенкова Т.Г., Семенов А.В. Денежные реформы России в XIX веке / Т.Г. Семенкова, А.В. Семенов. СПб., 1992. С. 58.
17. Спасский И.Г. Русская монетная система: историко-нумизматический очерк / И.Г. Спасский. СПб.: Издательство «Аврора», 1970. С. 23–25.
18. Сперанский М.М. Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкрин / М.М. Сперанский. СПб., 1885. С. 5.
19. Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. Изд. 2-е. / Д.А. Толстой. М., 2012. С. 206–207.
20. Уздеников В.В. Монеты России. 1700–1917. Изд. 4-е. / В.В. Уздеников. М., 2011. С. 10.
21. Цитович П. Деньги в области гражданского права / П. Цитович. Харьков, 1873. С. 48.

на рубеже веков (конец XIX– начало XX в.) // История государства и права. 2007. № 22.

²⁶ См. подробнее: Пашенцев Д.А. Особенности правового регулирования денежного обращения в Российской империи второй половины XIX– начала XX века // История государства и права. 2008. № 7.

Таможенно-тарифное регулирование китайского торгова во второй половине XVIII — начале XIX вв.

*Казанцева Наталья Геннадьевна,
доцент Забайкальского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
ngsav@mail.ru*

Изучение исторического опыта регулирования государством таможенно-торговых отношений на сегодняшний день остается одним из интереснейших объектов. Обусловлено это необходимостью дальнейшей выработки механизмов регулирования таможенно-торговых отношений с учетом исторических, географических и политических особенностей, что особенно важно в условиях развития современных подходов к укреплению государственности и совершенствования принципов таможенного государственно-правового строительства. В настоящей работе освещается основа законодательного регулирования таможенно-торговых отношений на востоке России во второй половине XVIII– начале XIX вв.

Ключевые слова: таможенные учреждения, таможенный тариф, таможенный устав, таможенно-тарифное регулирование, пошлинное обложение.

Customs Tariff Regulation of Chinese Market in the Second Half of XVIII – Beginning of XIX Century

*Kazantseva Natalia G.,
Assistant Professor of the Zabaikalsky State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

Study of historical experience of regulation by the state of customs trade relations remains, as of today, one of most interesting objects for study. It is dependent on the necessity of further elaboration of customs trade relations regulation mechanisms with the account of historical, geographical and political features that it especially important in the conditions of development of modern approaches to strengthening statehood and improving principles of customs state legal construction. This work covers the basis of legislative regulation of customs trade relations in the east of Russia in the second half of XVIII– beginning of XIX century.

Key words: customs institutions, customs tariff, customs charter, customs tariff regulation, duty imposition.

Появление первых таможенных учреждений на востоке России первоначально было ориентировано на реализацию фискальной функции. Это выразилось в том, что отношение правительства к таможенному делу и к таможенному устройству носило чисто потребительский характер. Фискальные задачи таможенных органов были непосредственно связаны с системой пошлинного обложения. В современных правовых актах таможенные пошлины связаны с понятием таможенно-тарифного регулирования. Пошлину также называют «тарифным инструментом регулирования ввоза и вывоза товаров», поскольку свод ставок таможенных пошлин и есть таможенный тариф.

На протяжении столетий фискальная деятельность таможенных органов связана с применением таможенных тарифов. В течение времени таможенные тари-

фы претерпевали различные изменения, в какой-то степени совершенствовались.

Применение традиционной системы таможенного обложения в полном объеме шло в разрез с интересами правящих властей на азиатском направлении, что привело к формированию специализированной нормативно-правовой базы, таможенно-тарифного содержания. Данная практика сформировалась с момента учреждения стационарных таможенных органов на территории Забайкальского региона и сохранила свое существование на протяжении всего дореволюционного периода. Даже в условиях перехода на общероссийские таможенные тарифы в начале XX века специфика сохранялась, но, конечно, в меньших масштабах.

Первые особенности были установлены на этапе зарождения таможенного дела, при

наличии в государстве системы пошлинно-го обложения торг с Китаем осуществлялся меновым порядком.

Пошлина взималась по установленным для сибирских земель правилам. Речь идет от тарифных правилах для Кяхтинского торга. Основываясь на анализе текстов нормативных актов, можно четко утверждать, что влияние на формирование особенной таможенной практики оказали именно политические факторы, так как ряд правил устанавливался в отношении торга с Китаем, в частности, особых предметов торга — чаев.

Назовем ряд особенностей, определенных в отношении китайских товаров, установленных текстом Таможенного устава 1755 г. В документе сказано: «Торг с Китаем производится чрез учрежденную в Иркутской губернии Кяхтинскую таможню и состоящую в ведении ее Цурухайтуевскую таможенную заставу, кои, не причисляясь ни к какому таможенному округу, находятся в отдельном управлении Департамента внешней торговли»¹. Четвертая глава документа дает описание производства таможенных дел по Китайскому торгу.

Особое внимание было уделено мелочному торгу, решавшему проблемы обеспечения населения товарами и производством: «Сверх оптового торга производится в Кяхте мещанами, живущими в Троицкосавске, Братскими иноверцами и другими людьми мелочный торг скотом, съестными припасами и разными мелочами, взамен от койх получают они от китайцев китайку, дабу и другие предметы для домашних надобностей. Промен хлеба и масла на Кяхте по мелочному торгу дозволяется всем жителям Забайкальского края без всякого ограничения; кроме сего, инородцам и Русским, занимающимся мелочною торговлею на Кяхте, дозволяется менять Китаем скот и всякие другие припасы (кроме мерлушки) свободно, без всякого ограничения, с соблюдением правил, для Китайского торга установленных. Надзор за производством мелочной торговли предоставлялся толмачам»².

Всем сибирским купцам и торгующим на Кяхте предоставляется совершенная свобода в части уплаты пошлин. Они могли вносить пошлины частями или полностью, переводом в четыре места, а именно: Иркутск,

Тобольск, Москву и Санкт-Петербург. При переводе пошлин дается купцам отсрочка в платеже: для первой половины суммы — 9 мес., для последней — 18 мес., с уплатой за это в пользу казны по 6% на сто в год, сколько по расчету за 9 или 18 мес. причтется. Для обеспечения казны в исправном платеже пошлин при переводе с купцов брали векселя на законном основании с залогами и поручительствами. Данная практика была направлена по поддержке интересов местного купечества.

В соответствии с Таможенным уставом 1755 г. порядок пошлинного обложения устанавливался следующий: товары российские, привозимые в Сибирь через Верхотурье, пошлинами не облагались, в случае, когда эти товары доставлялись на границу, с них в пограничных таможнях пошлину брали с каждого рубля с оценки по 13 коп. и вместо тарифной пошлины, как при портах берется, брать по 5 коп. с рубля, итого по 18 коп.

Мягкая рухлядь, которую покупают в Сибири, вывозимая для торга на границу, облагалась в пограничных таможнях «в натуре теми товарами десятую, да с расценки внутренних по 13 копеек с рубля».

Таможенные формальности в отношении товаров на тот момент осуществляла ведущая таможня региона — Кяхтинская. Объемы таможенных доходов Кяхтинской таможни были весьма значительны: в 1755 г. таможенные сборы составили 193 179 руб., в 1756 г. — 157 183 руб., в 1757 г. — 117 315 руб., в 1758 г. — 178 978 руб., в 1759 г. — 201,451 руб., в 1760 г. — 288 165 руб. Известно, что большая часть сумм, получаемых в качестве таможенной пошлины, оставалась в самой таможне³.

В основе деятельности таможни лежали нормы не только таможенного устава, но и таможенного тарифа. Таможенный тариф 1761 г. устанавливал следующие правила пошлинного обложения:

1) торговцам, едущим из России, предъявлять в Верхотурской таможне опись товаров и оплачивать пошлины в размере 10-й части товарами или деньгами. С тех торговцев, которые, предъявляя роспись товарам, не показали таковых на 100 и на 200 руб., взыскивать только нормальную пошлину, потому что это может быть только упущением; с теми же, которые утаят товары на

¹ Таможенное дело России: сборник документов и материалов Т. 1: 907–1721 гг. М., 1997. С. 122.

² Там же.

³ Силин, Е.П. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Иркутск. обл. изд-во, 1947. С. 74.

200, 300 руб. или на большую сумму или же захотят провести товар беспошлинно мимо Верхотурья, — взysкивать пошлину вдвое, чтоб их не разорять; тех же, которые утаят товары в другой раз, «да его же батожем бить нещадно», все утаенные товары отбирать на Великого Государя и в Сибирь больше не отпускать;

2) предписывается блюсти, чтобы никакие товары мимо Верхотурья не проезжали без оплаты пошлины. Установлен сбор по 2 деньги с воза товарами, для раздачи за труд служащим;

3) установлен порядок досмотра товара в Тобольске и в Нерчинске, когда количество и род их изменяются от продажи и купли товаров по пути между названными городами;

4) подтверждается брать 10-ю часть товарами каждого сорта с тех товаров, которые пойдут прямо в Китай, и товары эти в тюках, коробках, кипах и т.п. должны доходить до Нерчинска, где не должны быть раскупориваемы; с каждого из людей, которые пойдут в Китай с караванами, брать по полтине и этим деньгам вести особый учет. С тех же товаров, которые подойдут к Нерчинску из сибирских городов без оплаты пошлиной, брать 10-ю часть товарами, а не с полных десятков брать деньгами по 3 алтына и по 2 деньги с рубля; «тех торговцев, которые будут замечены в воровстве уже по отбытии их в Китай, буде приедет впредь тот же вор в сибирские города и его для торгов в китайское государство не пускать и выбить его из Сибири вон». В видах облегчения купечества, которое по приезде в Нерчинск случайно не будет иметь денег для уплаты пошлины, разрешено верить «до 100 и 200 и больше 300 рублей сроку никому не давать и такие статьи записывать в казну особо»⁴.

В 1800 г. произошел пересмотр положений Таможенного тарифа 1761 г., и в действие введен Кяхтинский тариф. Пошлины, собираемые по-прежнему тарифу 1761 г., а именно пошлины портовые и пограничные, а также мелочные сборы (под названием акциденции на содержание застав) по новому тарифу отменялись, вместо них полагалось «...сбирать с каждого товара то только, что сим тарифом положено». Пошлины полагалось собирать российской медной монетой и банковскими ассигна-

циями, но четко устанавливалась возможность меновой торговли, которая стала основной. В тарифе сказано: «...буде же кто из торгующих пожелает платить оные выменением у китайцев серебром и золотом, то принимать и оным, считая золотник чистого золота в 2 рубля 75 копеек, а серебра чистого в 19 ½ копеек...». Тарифом допускалась отсрочка пошлин. В этом случае устанавливалось: «...бывшие до ныне по Указу 1794 года августа 8 дня, последовавшему на докладах Сената, отсрочки пошлин и перевод оных векселями в Иркутск, Тобольск, Москву и Санкт-Петербург оставляются по-прежнему на основании того же указа...»⁵. Иными словами, принятие тарифа в полной мере не отменяло действие прежних норм. Важнейшее положение сохранилось в п. 5 тарифа: «Следующие с отпусковых товаров пошлины платить тогда, когда на оные выменены будут китайские товары и в то уже время вместе с тех и других по подаче надлежащих объявлений вычислять и собирать оные на законном основании». Данное положение устанавливало меновой характер как основной. Еще одна норма в отношении этого же правила содержалась в п. 7.7: «Положенные Именным Указом 1732 г. сентября 22 дня в пользу городов с каждого пошлинного рубля за вымененный у китайцев по 2 копейки и за отпускаемые за границу товары по 1 копейки собирать и впредь, употребляя впрочем оные в пользу общественных заведений китайского торгового производства, для чего, не отсылая оных впредь в приказ Общественного призрения, хранить в Иркутской Казенной палате и употреблять на надобности для пользы одного торгового заведения через Байкал судов, на построение и починку гостиного к Кяхте двора и складочных анбаров в Троицкой Крепости»⁶.

Тариф устанавливал следующую норму в отношении ввозимых товаров: «С иностранных товаров, привезенных в Россию, через сухопутные и портовые таможи и снабденных от оных надлежащим стемпелем при промене китайцам не платить ничего, и воспрещать хозяевам следующую часть пошлин с тех товаров, кои пользуются сим по общему тарифу. Сенат наш имеет предписать Коммерц-коллегии иметь бдительное наблюдение, дабы в числе привозимых

⁴ Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 г. М.: Вече, 2013. С. 103–104.

⁵ РГИА. Ф. 21. Оп. 12. Д. 4. Л. 1–5. О введении Кяхтинского тарифа для взимания по нему пошлин.

⁶ Там же.

буде иностранные товары не было таких, кои общим тарифом привозить в Россию запрещено: в противном случае таковые товары конфисковывать и поступать с оными на основании узаконений для общего тарифа изданных распространяя сие и на те товары, кои найдутся за клеймом, которой либо таможни...»⁷.

Пункт 8 гласил, что «...буде в таможе между прочими дозволенными товарами окажутся тарифом, ныне издаваемым запрещенными, привезенные ли из России в Кяхту или у китайцев вымененные, то, конфисковав, брать оные в казну и уведомлять о том Иркутского гражданского губернатора. Коему делать с оными распоряжение по свойству тех товаров, назначая или к употреблению на казенные надобности или же продавать: что ж касается всякой российской монеты, то препровождать золотую и серебряную в Санкт-Петербург, а медную в Екатеринбургский монетные дворы, ассигнации же в Государственный ассигнационный банк; в награду ж поимщику или доносителю взыскивать цену пойманного товару с того, у кого оный товар взят будет, а если хозяин такого товару не отыщется, то поимщику давать в награду половину из того, что оный стоит или за сколько продан будет. Буде же кто пошлины надлежащие товары без платежа оных, а беспошлинные без объявления в таможду повезет незаконною дорогою, то таковые товары, конфисковав, отдать поимщику или доносителю все сполна, взяв с него одну пошлину с тех только товаров, с коих оная тарифом определена...»⁸.

Но и этот тариф, просуществовав несколько десятилетий, был пересмотрен. В 1841 г. был издан новый тариф в отношении Кяхтинской торговли, вступивший в действие с 1842 г. На одни товары пошлина была уменьшена, а на другие, наоборот, увеличена. Для облегчения расчетов карантинные и прибавочные проценты, составляющие примерно 12 процентов, были присоединены к коренной пошлине. Из числа запрещенных к привозу товаров был дозво-

лен привоз тех статей, которые не шли во вред собственной промышленности⁹.

Таким образом, деятельность таможенных учреждений на востоке России к середине XIX в. в таможенно-тарифном регулировании имела свои особенности. При применении общероссийских правил вводились нормы, характерные, прежде всего, для торговли с Китаем. Последнее обстоятельство было обусловлено интересами центральных властей на востоке России. Развитие торговли с Азией было важно в отношении политическом как одна из мер к сближению с азиатскими государствами. Кроме того, таможенная политика России, проводимая в отношении восточносибирского региона страны конца XVII–начала XX вв., была подчинена интересам общероссийской политики по вовлечению «окраинных территорий» в общероссийскую экономику, распространения российской внешней торговли на новые рынки.

Литература

1. Захаров В.Н. Государственное управление России XVI–XVIII вв. / В.Н. Захаров. М.: Изд-во МГУ, 1991. 172 с.
2. Курас, А.В. Кяхтинская таможня в первой половине XIX в.: контрабанда и борьба с ней. Власть, 2012. № 10. С. 179–182.
3. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая / под ред. А.Н. Хохлова. М.: ЮРАЙТ, 1982. 212 с.
4. Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы / Л.Н. Марков. Иркутск, Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 50 с.
5. Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1. 456 с.
6. Переслегина И.В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни (20-е гг. XVIII–начало 60-х гг. XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.
7. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 16. Отд. 2.
8. РГИА. Ф. 21. Оп. 12. Д. 4.
9. Создание и организация деятельности таможенного надзора в Сретенске // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 10. С. 46–49.
10. Таможенное дело в Восточной Сибири и Забайкалье / под ред. В.П. Шахерова. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1999. 79 с.
- 9 ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 16. Отд. 2. С. 73.

⁷ РГИА. Ф. 21. Оп. 12. Д. 4. Л. 5. О введении Кяхтинского тарифа для взимания по нему пошлин.

⁸ Там же.

История развития оценочных услуг в России

*Незнамова Алла Андреевна,
преподаватель кафедры трудового и финансового права
Российского государственного социального университета
extrimallo4ka@yandex.ru*

Автор исследует историю развития правового регулирования оценочных услуг как объекта гражданского права через призму услуги и оценочной деятельности.

Ключевые слова: услуга, оценочная деятельность, оценочная услуга.

History of Development of Estimation Services in Russia

*Neznamova Alla A.,
Lecturer of the Department of Labor and Financial Law
of the Russian State Social University*

The author investigates the developmental history of the legal regulation of evaluative services as a civil law object in terms of service and valuation activities.

Key words: service, valuation activities, evaluative service.

Первые научные поиски определения понятия «услуги» были начаты еще в исследованиях прошлых веков. Если обратиться к истории, то следует отметить, что понятие «услуга» входило в качестве неотъемлемой части в состав древнеримского частного права и называлось договором найма. Это был особый договорной тип, включавший в себя три разновидности договоров, в котором основным критерием выступало наличие или отсутствие овеществленного результата¹.

Рассматривая понятие «услуга», можно обратиться к определению, данному в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, в котором под услугой понимается «действие, приносящее пользу другому»². Из данного определения следует, что услуга является действием, оказываемым исполнителем, и приносящим пользу заказчику.

Необходимо обозначить, что первые исследования сущности услуг проводятся в экономической литературе, однако услуги следует рассматривать не только с экономической, но и с юридической точки зрения. На сегодняшний день цивилистам не удалось определить такое понятие услуги, которое бы позволило однозначно отграничить услуги от иных правовых явлений. Таким образом, следует обозначить, что в цивилистической литературе не сформировано

единого общепризнанного понятия услуги, а неполнота конструкции, закрепленная в ст. 779 ГК РФ, создает ситуацию, при которой действующие нормативные акты устанавливают общие правила ведения той или иной деятельности по оказанию услуг, но зачастую не содержат критериев гражданско-правового характера. В частности, такое положение характерно и для оценочных услуг, в связи с чем считаем необходимым исследовать оценочную услугу через призму оценочной деятельности.

Первые упоминания об оценке в России относятся к середине XIX века, когда начался постепенный статистический учет недвижимого имущества, в ходе которого выполнялись работы по оценке городской земли. Исторически этот процесс был тесно связан с необходимостью уплаты налогов и с объективной потребностью в создании фискального кадастра — подробного описания недвижимой собственности.

Так, в словаре В.И. Даля определено понятие «оценивать (оценять)» — назначать чему цену, определять стоимость чего». Также определяются понятия «оценщик» — тот, кто оценивает; «оценочное дело», «оценочная комиссия», «присяжные оценщики в городах»³.

Разрабатывались специальные программы для получения необходимых оценочных сведений. Наиболее известной среди них стала программа, которая была разработа-

¹ Новицкий И. Б. Римское право. М., 1997. С. 189.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. С. 940.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881. Т. 2. С. 775.

на Черниговской губернской земской управой в 1876 году и отметила появление новой науки — оценочной статистики (Программа для статистико-экономического изучения Черниговской губернии)⁴. Особенностью программы стало то, что она предполагала тщательную подготовку и разработку сведений для проведения оценки недвижимого имущества. Программа делилась на блоки, которые включали общие вопросы социально-экономического, демографического состояния конкретного селения и также охватывала специальные вопросы земледелия, землевладения, промыслов, промышленности, торговли и коммерции, цен на продукцию, урожайности, арендных плат за землю и многие другие. Эта программа делилась на три блока — добывающая промышленность, перерабатывающая промышленность и торговля.

Другая известная программа была разработана в Нижегородской губернии и была связана с именем известного русского почвовед В.В. Докучаева, который предложил свою классификацию почв. 8 июня 1893 года правительством России был издан закон о переоценке всех видов недвижимого имущества в 34 губерниях. Эту дату можно считать датой официального начала оценочной деятельности в России. Согласно этому закону главенствующая роль по установлению норм оценки принадлежала уездным оценочным комиссиям. Предполагалось, что они лучше ознакомлены с местными условиями, а сама оценка была предоставлена уездным земским управам, ведущим поземельные книги и инвентаризационные описи строений, собирали сведения об арендных платах, определяли доходность. По требованию земской управы владелец недвижимости обязан был предоставить сведения о составе, ценности и доходности имущества, и подтвердить эти сведения соответствующими документами. Эти сведения и документация проверялись по данным, содержащимся в страховых и кредитных учреждениях, затем производился расчет, после чего результаты объявляли владельцу. По итогам оценочных работ составляли общую ведомость и для обеспечения общественного контроля публиковали ее в открытой печати.

Вместе с законом 1893 года правительство утвердило «Высочайше утвержденные

Правила оценки недвижимых имуществ»⁵, а еще через год, 4 июня 1894 года, министром финансов Витте была утверждена инструкция, разъясняющая закон. Следствием закона 1893 года явились безрезультатные усилия губернских оценочных комиссий согласовать и привести к единообразию нормы оценки даже в отдельных губерниях, не говоря уже о государстве в целом, а также полная децентрализация земского кадастра. В результате чего в 1899 году принят новый закон об оценке недвижимого имущества, который, в отличие от предыдущего закона, передавал полномочия по установлению оценочных норм не уездным, а губернским оценочным комиссиям. В функцию же уездных комиссий входила непосредственно оценка имущества, впрочем, эта функция возлагалась также и на уездные земские управы, в которых уже сформировались статистические отделы и достаточно полная материальная база для издания оценочных норм. Кроме того, новый закон отличался еще и источником финансирования оценочных работ, которые требовали существенных государственных вливаний. Закон 1899 года установил конкретный размер такого финансирования для 34 губерний — 1 млн рублей в год. После выполнения соответствующих работ по оценке в целях стимулирования указанная сумма рассматривалась как долгосрочное казенное пособие.

К концу XIX — началу XX века в Российском государстве на основе методических разработок и организационных подходов к оценке создателям русской оценочной статистики удалось сформулировать четкие нормативные инструкции для выполнения оценки на практике, большая часть которых не имела аналогов в мире. Российская методология оценки была настолько профессиональна, что такого уровня американским и европейским коллегам удалось достичь только в 60–70-е годы XX века. Россия стала одной из ведущих стран в этой области. Конечно, с современной точки зрения система оценки собственности на тот момент была далека от совершенства, так как работала в интересах государства. Отсутствовали единое планирование оценочной деятельности, централизованное финанси-

⁴ Фирсов П.П. К вопросу об оценке земель, как предмета земского обложения (историко-критический очерк). Херсон, 1894. С. 65.

⁵ Высочайше утвержденные Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами // ПСЗРИ. СПб.: Государственная типография, 1897. Собр. III. Т. XIII. № 9744.

рование, специальный государственный и исполнительные органы. Структура губернских и уездных оценочных комиссий не соответствовала своему назначению. Оценочные комиссии конфликтовали с земствами. Эти и другие причины способствовали сдерживанию развития оценочного дела в России.

С началом Первой мировой войны развитие в этой области и вовсе было остановлено, и после издания 1 января 1923 г. Земельного кодекса РСФСР продажа земли была запрещена, значительным законодательным ограничениям был подвергнут и свободный рынок купли-продажи. Специальных органов, занимающихся регулированием деятельности в области оценки, на законодательном уровне не было, эту работу с целью контроля и планирования выполняли государственные органы, в основном Бюро технической инвентаризации (БТИ) и земельного кадастра. С помощью созданной в советский период системы нормирования были модифицированы методы затратного подхода, разработанные в России еще в дореволюционное время. Эти методы, как и система нормирования, широко используются и в современной России, например, при оценке бизнеса. В таком состоянии оценочная деятельность в России просуществовала до начала 90-х годов XX столетия. 1991 год ознаменовал начало возрождения института оценки и рыночной экономики в современной России, так как был принят Закон РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». В 1993 году создается первая профессиональная организация — Российское общество оценщиков (далее — РОО). Решение о создании общества оценщиков было принято учредительным собранием, на котором присутствовало 17 участников, являющихся первыми оценщиками современной России. Так как дореволюционный опыт работы в области оценки был по большей части утерян, на начальном этапе оценочная деятельность российских оценщиков была основана на опыте зарубежных стран, в основном США. Достаточно противоречивым тогда было правовое регулирование оценочной деятельности, потому что отсутствовало единое представление о сущности оценки и оценочной деятельности, а также единые требования, предъявляемые к правовому статусу оценщика. Несмотря на это российские общества оценщиков начали активно внедряться в международное сообщество с целью получения опыта в области

оценки. В то же время началось формирование сети региональных отделений общества оценщиков. Общество получило общероссийский статус, а Министерство труда и социального развития РФ придало официальный статус профессии «оценщик» и утвердило квалификационную характеристику по должности «оценщик (эксперт по оценке имущества)»⁶.

Следующим важнейшим этапом в развитии оценочной деятельности было принятие 29 июля 1998 года закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»⁷, который определил оценочную деятельность как деятельность субъектов оценочной деятельности, направленную на установление в отношении объектов оценки рыночной или иной стоимости. Закон устранил имеющиеся противоречия.

К моменту принятия в 1998 г. Федерального закона «Об оценочной деятельности» действовало более двухсот нормативных актов различной юридической силы, которые касались вопросов установления стоимости, условий проведения обязательной оценки, осуществления оценочной деятельности и т.д. Сложившаяся ситуация определялась наличием самого широкого спектра правоотношений, в регулировании которых использовались или могли быть использованы результаты оценки. Однако наряду с этим правовое регулирование, существовавшее до принятия Федерального закона «Об оценочной деятельности», было весьма противоречивым. Отсутствовало единое представление о роли и месте оценки в правовом регулировании, о правовом статусе оценщика, о понятии «рыночной стоимости» и т.д.⁸ Именно поэтому при принятии Федерального закона «Об оценочной деятельности» законодателем была поставлена цель создания универсального закона для регулирования всех элементов деятельности по установлению стоимости объектов оценки.

В настоящее время Федеральный закон «Об оценочной деятельности» является ос-

⁶ Волкова М.А. Этапы развития правового регулирования оценочной деятельности в России // Актуальные проблемы российского законодательства. 2015. № 9. С. 9–18.

⁷ Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.

⁸ Ситдикова Л.Б. Проблемы определения правовой природы договора проведения оценки и риэлторского договора // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 6–9.

новой нормативно-правового регулирования оценочной деятельности в РФ.

При этом следует отметить, что данный федеральный закон практически ежегодно претерпевает ряд изменений, отражаемых в его все новых редакциях — соответствующих федеральных законах, что свидетельствует не только о незрелости его изначальной версии и недостаточной компетенции разработчиков, но и об активном участии в последующей его разработке профессионального оценочного сообщества, неравнодушного к несовершенству «буквы закона».

Так, например, в июне 2006 г. был принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»⁹. Причина разработки новой редакции Федерального закона «Об оценочной деятельности» была связана с необходимостью передачи управления оценочной деятельностью от государства к профессиональным саморегулируемым организациям оценщиков (СРО) и необходимой при этом (по условиям вступления России в ВТО) отменой лицензирования¹⁰. Однако, уделив значительное внимание вопросам организации новой формы регулирования оценочной деятельности (посредством саморегулирования с участием СРО) и усиления имущественной ответственности оценщика, Федеральный закон «Об оценочной деятельности» ввел изменения и в определения ряда базовых терминов, таких как «оценочная деятельность», «субъект оценочной деятельности», «объект оценки», а также определил требования к договору на проведение оценки и обязанности оценщика как единственного «субъекта оценочной деятельности».

Неоднократное внесение в Федеральный закон «Об оценочной деятельности» кардинальных изменений и дополнений не могло не привести к хаосу на рынке оценочных услуг. В связи с этим 22 октября 2007 г. Общественной палатой РФ бы-

ло предложено установление двухлетнего моратория на внесение изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности». Однако уже летом 2008 г. Федеральным законом от 30 июня 2008 г. № 108-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹ в текст Федерального закона «Об оценочной деятельности» были внесены очередные существенные изменения. Федеральным законом от 22 июля 2010 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹² было введено определение кадастровой стоимости объекта недвижимости; установлена периодичность государственной кадастровой оценки (не реже 1 раза в 5 лет); определены полномочия заказчика кадастровой оценки, которым является орган исполнительной власти субъекта РФ; определено, что исполнителем является оценщик, соответствующий требованиям Федерального закона «Об оценочной деятельности» и дополнительно застраховавший свою ответственность на сумму не менее 30 млн руб.; определены требования к отчету об определении кадастровой стоимости, его экспертизе; регламентирована процедура досудебного урегулирования споров; для вновь образуемых объектов недвижимости, предусмотрена специальная процедура определения кадастровой стоимости.

Итак, правовое регулирование оценочной деятельности включает в себя множество нормативных правовых актов, в том числе в сфере корпоративного законодательства, законодательства в сфере финансовых рынков, регулирующих вопросы независимой оценки. Помимо Федерального закона «Об оценочной деятельности» и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов действует

⁹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). 31 июля. Ст. 3456.

¹⁰ Sitdikova L., Volkova M., Kuzahmetova S., Efimova O., Gridneva, O. Legal nature and legal personality of the self-regulatory organizations (SRO) // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Т. 6. No. 6. S. 5.

¹¹ Федеральный закон от 30 июня 2008 г. № 108-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 27. 7 июля. Ст. 3126.

¹² Федеральный закон от 22 июля 2010 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 30. 26 июля. Ст. 3998.

значительное число законодательно установленных норм, регулирующих отдельные вопросы осуществления независимой оценки собственности в РФ. За время своего действия Федеральный закон «Об оценочной деятельности» изменялся и дополнялся множество раз, что свидетельствует о несовершенстве действующего законодательства. Тем не менее в принимаемых изменениях и дополнениях хорошо просматривается стремление законодателя к совершенствованию правового регулирования оценочной деятельности, а также признание со стороны государства социально-экономической важности деятельности оценщиков как субъектов, способствующих рыночному развитию экономики страны в целом.

Однако до сих пор отсутствуют подписанные Российской Федерацией международные договоры по вопросам оценки, необходимые для дальнейшей интеграции в мировое сообщество. Необходима разработка системы регулирования юридических лиц, которые предоставляют оценочные услуги, а также системы требований к профессиональному образованию оценщиков, устаревшей к настоящему моменту. В связи с вышеизложенным можно полагать, что на современном этапе система правового регулирования оценочных услуг и оценочной деятельности в целом недостаточно эффективна и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Литература

1. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). 31 июля. Ст. 3456.
3. Федеральный закон от 30 июня 2008 г. № 108-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 27. 7 июля. Ст. 3126.
4. Федеральный закон от 22 июля 2010 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 30. 26 июля. Ст. 3998.
5. Волкова М.А. Этапы развития правового регулирования оценочной деятельности в России // Актуальные проблемы российского законодательства. 2015. № 9. С. 9–18.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881. Т. 2. С. 775.
7. Новицкий И. Б. Римское право. М., 1997. С. 189.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. С. 940.
9. Ситдикова Л.Б. Проблемы определения правовой природы договора проведения оценки и риэлторского договора // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 6–9.
10. Фирсов П. П. К вопросу об оценке земель, как предмета земского обложения (историко-критический очерк). Херсон, 1894. С. 65.
11. Sitdikova L., Volkova M., Kuzahmetova S., Efimova O., Gridneva, O. Legal nature and legal personality of the self-regulatory organizations (SRO) // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. No. 6. S. 5.

Эволюция судебной власти: историко-правовой аспект. Суд в условиях современности

*Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке),
доктор юридических наук
nikita_kolokolov@mail.ru*

Анализируются формальные и неформальные составляющие развития судебной власти применительно к цивилизационному типу государства.

Ключевые слова: власть, развитие, судебная власть, судебная система, судопроизводство, правосудие, история, историография.

Evolution of Judicial Power: Historical Legal Aspect. Court in the Modern Conditions

*Kolokolov Nikita A.,
Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (resigned),
Doctor of Law*

We analyze the formal and informal components of the judiciary in relation to the type of civilization state.

Key words: power, the development, the judiciary, the judicial system, judiciary, justice, history, historiography.

Дело Фарбера: суд прислушался к мнению В.В. Путина

Органами предварительного расследования Фарбер обвинялся в том, что в июле-августе 2011 года получил от подрядчика, выполнявшего ремонт ДК, взятку — 300 тыс. руб. за возможность продолжения работ, в сентябре того же года, уже под контролем спецслужб, Фарбер «взял» еще одну взятку — 132 тыс. руб. за подписание акта выполненных работ. Обвиняя Фарбера по ст. 285 УК РФ, следствие утверждало, что ремонтные работы не были выполнены, ущерб бюджету — 941 тыс. руб.

Позиция Фарбера — деньги в стройку вкладывал свои, подрядчик лишь ему их вернул, ДК он реконструировал в рамках своих представлений о прекрасном.

С учетом данных о личности Фарбера общество склонно было верить ему, а не обвинению.

Дело рассматривал Тверской областной суд с участием присяжных. Защита преждевременно поверила в безоговорочное оправдание Фарбера, однако прокурор убедил присяжных в доказанности его вины по всем пунктам.

10 августа 2012 года Тверской областной суд признал Фарбера виновным по п. «а» ч. 5 ст. 290, ч. 3 ст. 290 и ч. 1 ст. 285 УК РФ. Правда, с применением ст. 62 и 64 УК РФ, но все равно больше чем рядовому убийце, судья назначил ему 8 лет лишения свободы со штрафом 3,2 млн руб.

Кассационным определением Верховного Суда РФ от 28 ноября 2012 года приговор отменен, с учетом изменения подсудности дело попало в Осташковский городской суд. 1 августа 2014 года Фарбер был осужден, ему назначено наказание 7 лет и 1 месяц лишения свободы.

Президент РФ В.В. Путин в интервью «Первому каналу» и агентству «АР» назвал наказание, назначенное Фарберу, «вопиющим», посчитав это «ошибкой». Данных слов оказалось достаточным, чтобы прокуратура уже за пределами сроков на апелляционное обжалование внесла представление, в котором просила сократить наказание до 5 лет лишения свободы.

Апелляционная инстанция Тверского областного суда благоразумно пошла еще дальше, сократила Фарберу наказание до 3-х лет лишения свободы, то есть, до фактически им

отбытого срока. По ч. 1 ст. 285 УК РФ прокуратура вообще отказалась от обвинения, приговор в этой части отменен, за Фарбером по этому эпизоду признано право на реабилитацию. Осужденный вышел на свободу. Общество восприняло это благосклонно.

Судебная власть в России: в ожидании будущего?

Законодательный базис для запуска механизма независимого, демократического правосудия в Российской Федерации в основном создан. Работает ли он, удовлетворено ли общество качеством судебных решений, опять-таки, судить читателю. Может быть уместны вопросы к качеству самого социума? До сих пор непонятен тип общества, в котором мы живем. Ученые по инерции все еще называют его, используя приставку «пост», то есть после «социализма» (был ли он), после «советов» (что это было такое, историки еще должны сказать). Почему не работает механизм независимого правосудия, декларированный в законах? Очевидно, что ментально мы все еще в СССР. Как тут не вспомнить слова Г. Гегеля (1770–1831) о том, что человеку нельзя дать государственное устройство, находящееся за рамками его создания.

Как только появится в судебной системе нечто автономное, например, особое братство — Высший Арбитражный Суд РФ, ее тут же оптимизируют, включив автономную ветвь в «общую юрисдикцию». Заодно пройдут чистку все судьи Верховного Суда РФ¹. Конечно, можно исходить из того, что развитием правопорядка автономная юстиция по делам бизнеса миру не ведома (А.В. Головкин), но можно и оценить слова бывшего председателя Высшего Арбитражного Суда РФ — А.А. Иванова: «В России честный бизнес невозможен. Если честного бизнеса нет в принципе, то что может сделать даже честный суд? Да и нужен ли он нечестному бизнесу?»

¹ Е.И. Алексеевская по данному поводу пишет: «не дождавшись результатов реформы, власть проводит контрреформы»; «противоречивые законодательные инициативы на коротком отрезке времени создают эффект *déjà vu*»; «судебная система с 1917 года по настоящее время повторила гипервиток своего предыдущего развития (хотя и в более сжатые сроки) и снова достигла критического значения в количестве судебных инстанций, сейчас она находится в точке бифуркации, и следующая стадия еще не наступила». См. подробнее: Алексеевская Е.И. Законы развития судебной системы. М.: Юстицинформ, 2016.

Как известно, суд — инстанция последняя как и в правоприменении, так и в рождении нового смысла закона². Общеизвестно то, что право это не то, что задумал автор закона. Это не то, что записал в норму законодатель. Право — это то, что прочитал конкретный судья! Автору этих строк лично знакомы некоторые судьи, подготовившие решения по делу Фарбера. Известны и особенности их профессионального правосознания. Цели и задачи, поставленные в каждом конкретном деле. Как они справились со своей задачей, судить читателю. Народ в лице присяжных признал его вину, народ же в ней и усомнился, мудрый Президент РФ намекнул судьям — «не размахивайтесь». Мудрые судьи прислушались и в своем решении о наказании ограничились «отбытым».

Как видим, очень многое из того, что относится к правосудию, то есть к сфере функционирования судебно-властных отношений, находится за рамками юриспруденции.

Власть реальная, власть гипотетическая

Реальные судебно-властные правоотношения, как и иные властные отношения, следует отличать от их имитации. Классике организации властного механизма пусть и образно, но очень точно и кратко в своих стихах изобразил А.С. Пушкин:

— «...но человека человек послал к анчару властным взглядом и тот послушно в путь потек...» («Анчар»);

— «вдруг слабым мановением руки на русских двинул он полки...» («Полтава»).

В первом случае участников правоотношения все двое: царь и раб. Отношения между субъектами ясны и конкретны, их организация не требует от царя никаких усилий, для инициации действия достаточно взгляда. Его властный характер царь сформировал ранее.

Во втором случае в праве короля Карла XII отдавать любые, пусть и влекущие гибель войска, распоряжения, не сомневается целая армия. Карл XII с 15 лет на троне, уверенно руководит королевством, легко побеждает искушенных в государственных делах монархов-противников. С учетом того, чтобы войны Карл XII вел в течение

² Имеются ввиду только те судебные решения, которые исполняются. Если судебное решение не исполнено, возможность возникновения судебно-властных отношений была только обозначена, самого суда не было.

18 лет, в его праве руководить государством не сомневалось, по крайней мере, большинство шведов.

Если в первом случае в организации власти существенную роль могла играть созданная царем система принуждения, то во втором примере уповать только на мощь системы принуждения не приходится, ибо очевидно, что шведская элита задействовала иные механизмы государственно-властных отношений.

В.И. Ленину приписывают фразу: «Не нужно бояться человека с ружьем». Многие каналы российского телевидения показали, что «ружья» бояться не все. Некий бизнесмен на букву «М» не только проигнорировал требования вооруженного автомата полицейского, но и чуть не задавил его своим «Мерседесом».

Казалась бы, за полицейским вся мощь государства, которое при желании М. легко сотрет в «лагерную пыль». Только вот экран телевизора констатирует: властные отношения в примитивнейшей схеме «полицейский — правонарушитель» возникают не всегда. Не случайно полицейский боится «власть употребить», не говоря уже о применении оружия. Он понимает: бизнесмен откупится, а он, в лучшем случае, отделается утратой работы. Такова нынешняя российская реальность, такова структура власти: «Все куплю, сказала Злата, все возьму, сказал Булат!»

Согласно СМИ приказ о задержании М. дал лично Председатель СК РФ генерал юстиции А.И. Бастрыкин. Тот факт, что функции сержанта полиции выполняет «многозвездный» генерал от следствия — прямое свидетельство того, что государственно-властный механизм не работает.

СК РФ на своем сайте отчитался, что расследование по делу М. завершено, при этом скромно умолчали, что виновник аварии «золотой мальчик», на защиту которого уверенно бросился М., ответственности избежал: ему благосклонно позволили выехать из страны³.

Примеры, подобные приведенному выше, далеко не единичны, следовательно, вывод может быть только один: надлежащий режим государственно-властных отношений установить в современной России пока не удалось. Пока приходится констатировать, что в системе государственной власти

обозначились лишь некоторые авторитеты, которые запустить работу только отдельных государственных структур. Во многих случаях наличие государственно-властных отношений только имитируется. Руководители ограничиваются тем, что отделают распоряжения, а исполнители не спешат их исполнять, причем не только потому, что последует команда: «Отставить!»

Судебная система

Нашей истории известны два подхода к организации современных судебных систем. Первый, единое царство делится на судебные округа, в которых функционируют суды первой инстанции. Функцию второй инстанции возложи на 12 судебных палат. Следующая инстанция — Сенат. Ну а выше — Государь, помазанник божий.

Второй — сталинский. Первое ключевое звено системы управления — районная партийная организация (райком). На подведомственной ей территории функционируют райсовет, райисполком, райотдел милиции (РОВД), райпрокурор, ну и, конечно, райсуд. Как правило — односоставный. Дела в основном уголовные, ну и «тряпичные». Так раньше судьи снисходительно говорили о делах гражданских.

Итак, начиная с 30-х годов основное звено судебной системы — районный народный суд. Второе звено — областной суд. Выше только суды союзной республики и СССР. Изменилось ли что-то с тех пор? В принципе, ничего, было три звена, три базовых звена и осталось (район, область, Россия). Правда, вместо слова «народный» в районном звене появился термин — федеральный. Последнее означает, что судьи в нем не местные, комиссары (уполномоченные представители) центральной судебной власти.

20 лет назад было учрежден институт мировых судей. С одной стороны, они, вроде как, в федеральную систему входят не должны, с другой — они ее элемент, формируемый представителями центра, управляемый и снабжаемый из центра.

«Жители забытой деревни»

Н.А. Некрасов в своем стихотворении «Забытая деревня» (1855) предельно четко сформулировал правовую идеологию россиян — ждут, когда приедет барин, который их рассудит. Естественно, что таковой не приехал, да и зачем барину себя утруждать разрешением споров, без разрешения

³ См. подробнее: Глобенко О.А. Стадия возбуждения уголовного дела: слово народа // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 46–47.

которых общество как существовало, так и существует.

В этой связи удивляет: с одной стороны, терпеливое ожидание российского общества, жаждущего некоего хорошего, доброго чиновника от правосудия; с другой — административный нажим на судей: они только «должны», «обязаны»...⁴.

Да, судьи, безусловно, и должны, и обязаны, но, как в таких случаях говорил Петерим Сорокин⁵, а есть ли у них возможность для классического служения праву (или хотя бы закону)? Говоря уже современным языком, «человек с лопатой — может копать, а может — и не копать», поскольку и мотивированность, и направленность его действий предопределена множеством фактов, в числе которых «добрая воля конкретного судьи»⁶, далеко не самая главная составляющая в оправлении правосудия. В очередной раз напомним: судья, даже мудрейший, — не всемогущ, так как главное в процессе не он, а стороны. А вот сторон то и нет, они окопались в «забытой деревне», ждут барина...

Эффективность судебной власти

Об эффективности судебной власти в целом, то есть об эффективности судебно-властных отношений мы тоже неоднократно писали. Судебно-властные правоотношения — составная часть, элемент, разновидность государственно-властных правоотношений. Поскольку судебно-властные отношения — элемент в системе, то и уровень их развития, и эффективность предопределены уровнем развития государственно-властных отношений. Речь идет о сложности всех активностей в системе государства и общества. В таких условиях мечты о том, что нужно найти такой суд, который «вытащит» экономику, схоластические рассуждения, аналогичные поискам философского камня. Не может быть суда (государства в целом) более передового, чем тот, который дан нашему сознанию.

Е.И. Алексеевская пишет: «Мы сознательно уклоняемся от построения идеальных моделей судебной системы, поскольку разделяем убеждение С.П. Капицы о том,

что при «стремительном развитии все время увеличиваются социальные и экономические градиенты, поскольку нет времени на установление равновесия»⁷.

Основные научно-практические выводы:

Судебная власть — явление объективное, как и все прочие виды власти, свойственные человеческому обществу, начиная от организации отношений в семье, заканчивая властью государственной.

Аппарат судебной власти — судебная система, архитектура которой предопределена уровнем развития общества целом.

Судебно-властные отношения — элемент государственно-властных отношений, что и определяет потолок их эффективности.

Прежде чем ответить на вопрос, каким должен быть суд, необходимо ответить другой вопрос: «Как называется общество, в котором мы живем?»

Литература

1. Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М.: ИГ «Юрист», 2005. 560 с.
2. Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии: (избранное). М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006. 687 с.
3. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: ИГ «Юрист», 2010. 400 с.
4. Суд в России: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция» (030501) / под ред. Н.А. Колоколова: в 2-х т. Т. 1. М.: ИГ «Юрист», 2007.
5. История судебной системы России: учебное пособие / под ред. Н.А. Колоколова; 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. 471 с.
6. История государства и права России: учебник / под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 431 с.;
7. Колоколов Н.А. Право современной России: истоки и современность // История государства и права. 2014. № 3. С. 34–40.
8. Колоколов Н.А. Идеология и политика — неотъемлемые функции современной судебной власти // Российский судья. 2001. № 9. С. 4–9; 2003. № 6. С. 29–35.
9. Лебедев В.М., Корчагин А.Ю., Свечникова Л.Г. Верховный Суд России: монография. Пятигорск, 2012. С. 320–323.
10. Глобенко О.А. Стадия возбуждения уголовного дела: слово народа // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 46–47.
- 7 Капица С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. С. 95.

⁴ См. подробнее: Нравственные начала российского правосудия: материалы Седьмой Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016.

⁵ См., например: Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999.

⁶ Термин подсказан участниками конференции. См.: Там же. С. 25.

Уважаемые авторы!

1. Материалы предоставляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 20 000 знаков. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление, которое можно скачать на сайте ИГ «Юрист». Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

4. Статья должна содержать:

- а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;
- б) название статьи с переводом на английский язык;
- в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);
- г) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);
- д) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);
- е) контактный телефон (для редакции);
- ж) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляется 1 бесплатный экземпляр журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Обращаем ваше внимание на то, что список нормативных актов располагается по юридической силе и помещается в отдельном списке. Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.**

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7